

Манас

М. 23

КИРГИЗСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

главы

ИЗ «ВЕЛИКОГО ПОХОДА»

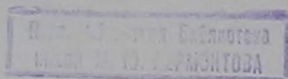
(по варианту Сагымбая Орозбакова)

перевод

Семена Липкина,
Марка Тарловского

Редакция и вступительная статья
Е. Мозолькова и У. Джакишева

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва 1941

31990.06612

ОБВЕРЕНА

С(Кир)
М2

*Переплет, фронтиспис, заставки
и концовки — гравюры на дереве
художников
Г. Петрова и И. Костылева*

⌘

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Величайший в мире по объему героический эпос «Манас» насчитывает сотни тысяч стихотворных строк. В песнях-былинах манасовского цикла воспеваются подвиги и походы (казаты) легендарного киргизского хана Манаса и его сорочка богатырей (кырк-чоро). Центральное место в эпосе занимает «Великий поход», или «Поход Манаса на Бейджин».

Гослитиздат подготовил к печати и выпускает в ближайшее время большое иллюстрированное издание «Великого похода» в переводах русских поэтов С. Липкина, Л. Пеньковского и М. Тарловского.

Предлагаемая вниманию читателей книга содержит лишь немногие избранные главы из «Великого похода» и выпускается в целях предварительного ознакомления с замечательным памятником киргизского народного творчества.

КИРГИЗСКИЙ ЭПОС «МАНАС»

I

Киргизский эпос «Манас» принадлежит к числу замечательнейших памятников устного народного творчества. По глубине содержания, по красочности и сочности образов он смело может быть поставлен в один ряд с лучшими образцами мирового эпоса. Что же касается богатейшего наследия киргизской народной поэзии, то в нем «Манас» занимает исключительно почетное место. В «Манасе» мы находим все поэтические приемы и жанры киргизского народного творчества, начиная от большой поэмы и кончая маленькой лирической песенкой, бытовыми и обрядовыми песнями, пословицами и поговорками.

Эпос «Манас» назван так по имени своего главного героя, богатыря Манаса. Однако описание героических подвигов и походов Манаса составляет лишь первую часть эпоса. Это и есть, собственно, «Манас». Вторая часть («Семетей») посвящена Семетею, сыну Манаса. Третья и последняя часть («Сейтек») рассказывает о Сейтеке, сыне Семетея.

Созданный еще в период раннего киргизского кочевого феодализма цикл песен о богатыре Манасе в течение многих веков видоизменялся и расширялся. «Манас» является результатом коллективного творчества многих поколений певцов-сказителей — манасчи. Каждый поэт-сказитель «Манаса» вносил в эпос свои новые мотивы, вводил новые эпизоды, откликаясь таким образом на современные ему события. С течением времени «Манас» превратился в своеобразную энциклопедию поэтических представлений народа.

Основная тема «Манаса» — это тема военных походов легендарного киргизского богатыря в Афганистан, Среднюю Азию и Китай.

Киргизский народ с древнейших времен соседствовал с Китаем. В борьбе за свою независимость киргизам не раз приходилось выдерживать жестокую борьбу с китайскими властителями. Гористый характер страны помогал им в этом. Не случайно эпос открывается рассказом о том, как, теснимые китайцами, киргизы разделились и разбрелись «по миру». Герой эпоса богатырь Манас еще в детском возрасте (едва достигнув семи-восьми лет) ведет борьбу с притес-

нителями своего народа, китайскими ханами¹. В песнях, посвященных детству героя, воспеваются первые подвиги семилетнего Манаса в стычках с сорока пятью ратниками китайского правителя Азиз хана и с четырьмястами калмыками. (Следует помнить, что киргизы в старину называли калмыками всех кочевников, говоривших по монгольски.) Тема борьбы с китайским ханом Конурбаем и калмыкским ханом Джолоем не раз затем выдвигается в эпосе на первый план и, наконец, находит свое наиболее полное выражение в заключительной, особенно красочной и поэтической части эпоса, в полном глубокого драматизма «Великом походе».

Эпопея «Великий поход» посвящена походу Манаса на Бейджин.

В ней воспеваются героизм и военная мощь киргизского народа, киргизских богатырей. Благодаря исключительной доблести, силе и выносливости киргизов, а также мудрости их военачальников (Манаса, Алмамбета, Бакая и других) первые битвы оканчиваются разгромом китайцев. Манас выигрывает битву на подступах к Бейджи-ну, в которой разбивает основные силы своего главного врага Конурбая. «Битвой под Бейджином» заканчивается первая часть «Великого похода».

Подобно героическому богатырскому эпосу других народов, «Манас» является гениальным художественным памятником самоутверждения народа. Безграничная отвага героев эпоса служила и будет служить образцом для многих поколений. В лице Манаса, Сыргака, Бакая воплощены лучшие черты великого киргизского народа: храбрость, верность, железное упорство в достижении поставленной цели. Очень ярко показан в эпосе образ Каныкей — образ благородной и мужественной киргизской женщины, верного, умного и дальновидного товарища и советчика своего мужа.

Китайские богатыри изображены в эпосе исключительно грозными и опасными противниками. Тем удивительнее кажутся подвиги Манаса и его соратников.

Китайскому народу, китайскому войску в поэме не раз дается очень высокая оценка.

Такое представление о силе китайского народа вполне соответствует сохранившейся до наших дней древней киргизской поговорке: «Если тронется Китай, то может потопить весь мир».

Наряду с многочисленными батальными сценами большое место в эпосе занимает бытовой материал: описание свадеб, поминок, на-

¹ В эпосе китайские императоры и крупные феодалы обычно именуются ханами.

родных празднеств и игр. В эпосе имеется ряд побочных тем, отступлений и отклонений от основной сюжетной линии, вставных эпизодов. Нередко какой-либо из этих эпизодов разрастается в огромную главу, равную по объему большой поэме. В этом отношении весьма характерной является глава «Рассказ Алмамбета».

По своему объему «Манас» является величайшим эпосом в мире. Существует предание, что для исполнения полного текста поэмы требуется шесть месяцев. В записанном в 1922—1926 годах со слов сказителя Сагымбая варианте эпоса насчитывается около двухсот пятидесяти тысяч строк. Этот колоссальный эпос до настоящего времени еще очень мало изучен. До Великой Октябрьской социалистической революции он был частично известен лишь узкому кругу ученых востоковедов.

Популярность «Манаса» так же необычайна, как и его размеры. В Северной Киргизии, где он особенно популярен, трудно найти киргиза, который не знал бы наизусть и не мог бы исполнить хотя бы небольшой отрывок из «Манаса». Несмотря на то, что исполнение эпоса настоящим талантливым манасчи продолжалось очень долго, счастливицы, которые имели возможность присутствовать при этом, никогда не уставали слушать его. Это объясняется прежде всего красочностью содержания, исключительными поэтическими качествами, доступностью эпоса. Следует также отметить высокий художественный уровень самого исполнения. Записано более двадцати музыкальных мелодий, которыми пользуются певцы, исполнители «Манаса». Манасчи в течение многих веков заменяли киргизскому народу не только книгу, но и театр. В искусстве исполнения, наряду с собственно вокальным искусством, огромное место занимает мимика, интонационная игра. Тот, кому впервые приходится слышать настоящего одаренного манасчи, обычно бывает поражен богатством и выразительностью его мимики, широким и искусным использованием жеста. Даже не зная языка и лишь наблюдая игру исполнителя «Манаса», можно часами слушать певца, испытывая подлинное художественное наслаждение.

II

Впервые небольшой отрывок из «Манаса» был записан в конце пятидесятых годов прошлого столетия востоковедом Чоканом Валихановым¹. Внук одного из последних казахских ханов (Вали хана).

¹ Родился в 1837 году, умер в 1865 году.

офицер русской колониальной армии, хорошо знавший киргизский язык, Ч. Валиханов перевел часть записанного им отрывка (около $\frac{1}{2}$ печ. листа) на русский язык. В 1904 году, спустя почти сорок лет после смерти Валиханова, этот перевод (прозаический) был опубликован в «Сочинениях Чокана Валиханова под редакцией Н. Веселовского» (Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии, т. XXIX).

«Манас», — читаем мы в статье Валиханова «Очерки Джунгарии», — есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпосе. Поэма эта, по нашему мнению, очевидно, подверглась новейшим добавлениям и изменениям... Манас состоит из отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Самятей» служит продолжением «Манаса» — и это бурутская «Одиссея».

Ч. Валиханов правильно определил некоторые главнейшие особенности эпоса, однако следует отметить, что он в своих высказываниях о «Манасе» не смог выйти за рамки узко этнографических представлений. Сведения, которыми располагал Валиханов в отношении «Манаса», были весьма скудными. «Киргизы говорят, — читаем в той же статье Валиханова, — что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать «Манаса», и что столько же нужно для «Самятея», но это, вероятно, преувеличено». Располагая сейчас записями вариантов Сагымбая и Каралаева, мы знаем, что для исполнения всего киргизского эпоса нужно несколько месяцев.

Следующая попытка записи «Манаса» принадлежит известному русскому ученому академику В. В. Радлову. По утверждению Радлова, героическая поэма «Манас» как художественный памятник не уступает «Илиаде». В шестидесятых годах XIX века В. В. Радлов записал сокращенный вариант эпоса со слов случайных, неизвестных сказителей и издал его на немецком языке в своем переводе. Был издан также киргизский текст этого варианта в русской транскрипции. С тех пор вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления в Киргизии советской власти огромное поэтическое наследие «Манаса» никем не собиралось. Талантливейшие сказители умирали, унося с собой в могилу принадлежавшие им варианты «Манаса». Все реже встречались певцы, которые могли бы полностью передать гигантский эпос. Однако

никто и не думал позаботиться о том, чтобы собрать и сохранить «Манаса».

Впервые «Манас» был записан полностью со слов выдающегося манасчи Сагымбая Орозбакова только после окончания гражданской войны в Киргизии.

Близится к концу начатая по инициативе ЦК КП(б) Киргизии запись «Манаса» со слов сравнительно молодого советского поэта-сказителя Саякбая Каралаева. Проведена огромная работа по собиранию «Манаса» из уст многочисленных сказителей, знающих лишь отдельные главы эпоса.

Сагымбай Орозбаков родился в 1867 году на южном берегу Иссык-Куля в семье из рода Саят. Отец Сагымбая—Орозбак—был известным в Киргизии музыкантом-трубачом (кернейчи) хана Ормона.

Уже в самой ранней юности Сагымбай выделялся из среды своих сверстников исключительными поэтическими способностями. Он сочинял небольшие любовные песенки, которые с большим успехом исполнял на кыз оюнах (игрищах молодежи).

Сагымбай разъезжал по Киргизии, участвовал во всех больших тоях¹, поминках. Не ограничиваясь исполнением «Манаса», он сочинял поминальные песни для плакальщиц. В 1916 году, во время известного киргизского восстания, Сагымбай вместе с киргизами Тянь-Шаньской котловины и Иссык-Кульской долины эмигрировал в Китай. Но и в Китае, вдали от родины, Сагымбай продолжал исполнение «Манаса».

Умер Сагымбай в 1930 году шестидесяти трех лет отроду.

Самый полный из дошедших до нас вариантов «Манаса» (около четырехсот тысяч стихотворных строк) принадлежит прославленному советскому манасчи Саякбаю Каралаеву. Каралаев родился в 1894 году в Джеты-Огузском районе возле Иссык-Куля. Его отец был скотоводом-бедняком и беркутчи² из рода Бучу. Молодой Каралаев несколько лет работал батраком у русского кулака. В 1916 году он участвовал в восстании против царизма и вместе со многими другими участниками восстания эмигрировал в Китай. На родину возвратился в конце 1917 года. В 1918 году вступил добровольцем в Красную Армию.

Каралаев — ученик Чоюке, одного из крупнейших манасчи начала XX века. Подобно Сагымбаю, он очень рано начал свою поэтическую деятельность. Еще будучи подростком, Каралаев сочинял

¹ Той — пир, празднество.

² Беркутчи — охотник с беркутом. Этот вид охоты является наиболее распространенным в Киргизии.

небольшие лирические песни; как манасчи впервые выступил, когда ему исполнилось двадцать три года.

Варианты эпоса, принадлежащие Сагымбаю и Каралаеву, легли в основу большого издания «Манаса», предпринятого Гослитиздатом в переводах русских поэтов С. Липкина, Л. Пеньковского и М. Тарловского.

Все варианты «Манаса» характеризуются общностью основной сюжетной линии, общностью персонажей и общностью ритма.

Заимствовались также характеристики героев, постоянные канонизированные эпитеты. Однако настоящий большой манасчи никогда не был простым исполнителем чужого заученного текста. Заучивались только наиболее популярные стихи, нередко хорошо известные всей массе рядовых слушателей. О дословном заучивании всего «Манаса» не могло быть и речи.

Прославленные манасчи типа Сагымбая — это прежде всего талантливейшие поэты-импровизаторы, сыгравшие огромную роль в формировании и развитии эпоса. Наряду с этими выдающимися поэтами манасчи имелись сотни акынов, певцов-исполнителей, которые знали только отдельные главы и отрывки из «Манаса». Пользуясь часто готовым заученным текстом, они-то, главным образом, и были создателями необычайной популярности эпоса.

III

Стих «Манаса», как правило, состоит из семи-восьми слогов. Это обычный для киргизской народной поэзии размер. После пятого слога в восьмисложных стихах и после четвертого в семисложных следует цезура. В запевах и концовках встречаются стихи, состоящие из шести, пяти и даже четырех слогов, но количество их по сравнению со всем эпосом весьма незначительно.

«Манас» не имеет сколько нибудь выдержанного строфического членения. В отдельных стихотворных отрывках можно обнаружить трехстишия с рифмованным первым и третьим стихом и вторым нерифмованным, а также четверостишия, в которых первый, второй и четвертый стих имеют общую рифму и третий стих не рифмуется. Однако принцип произвольного объединения строк в большие или меньшие тирадные группы доминирует в эпосе. Трехстишия и четырехстишия встречаются в нем спорадически и почти всегда являются частью тирадной группы. Будучи тесно связаны рифмой и аллитерацией с остальными строками тирады, они растворяются в ней.

«Манас» в целом характеризуется обычной для киргизских и казахских эпических песен стихотворной формой «джира», которая не знает никакой закономерности в расположении рифм. Обязательные, как правило, на конце строк рифмы располагаются в нем по произволу певца. Иногда одни и те же рифменные окончания — подряд или попеременно с другими — повторяются в шести, семи и даже десяти, двенадцати строках. Рифма часто возникает неожиданно в довольно большой оторванности от предыдущих однородных рифм: некоторые строки не рифмуются вовсе. Рифма в «Манасе», как и вообще в тюркских языках, исключительно мужская. С большим мастерством в «Манасе» использована рединая рифма, когда в конце двух или нескольких строк механически повторяется одно и то же слово, рифмуются предпоследние слова этих же строк. Встречаются в «Манасе» (особенно в рединых созвучиях) и ассонансы, но очень близкие к полной рифме. Кроме того, составная рединая рифма иногда заменяется повторением одного и того же слова на конце ряда стихов (тавтологическая рифма). Наконец, специфической особенностью стиха «Манаса» является исключительно развитая аллитерация, причем аллитерация начальная (анафорическая). Сплошь и рядом аллитерируют начальные звуки нескольких или всех слов строки. Однако гораздо более обязательной является вертикальная аллитерация, когда ряд строк (иногда десять — тринадцать) начинается с одного и того же слога, редко — с одного и того же звука.

Часто эта вертикальная аллитерация имеет доминирующее значение в фонетической организации стиха, а рифма играет второстепенную роль.

Оценить значение начальной аллитерации в киргизском эпосе невозможно без учета особенностей исполнения эпоса. В киргизском языке, как известно, ударение в словах постоянно падает на последний слог. В связи с этим необычайно распространенное в киргизском эпосе аллитерирование начальных слогов может показаться мало действенным приемом. Но стоит только прислушаться к реальному звучанию киргизских эпических песен, чтобы убедиться в том, что это не так. Как мы уже отмечали, «Манас» во все времена существовал исключительно в устном песенном исполнении. В пении же певец, исполнитель «Манаса», всегда резко акцентирует именно начальный слог каждого стиха. Менее значительное, но все же весьма заметное усиление голоса приходится на первый слог второго полустишия, то есть на пятый слог в семисложном, наиболее типичном для «Манаса» стихе. Очень часто этим пятым слогом в стихе является первый слог трехсложного слова.

Таким образом в пении аллитерации не только не скрадываются, но подчеркиваются. Они занимают самые выигрышные места в стихе.

Возможность скандирования киргизского эпоса по начальным слогам в значительной степени объясняется, повидимому, наличием в многосложных киргизских словах двух ударений: главного на последнем слоге и второстепенного — на первом слоге. Ритмические ударения часто совпадают с второстепенными, а не с главными ударениями в прозаической речи. Отмеченные нами особенности исполнения приближают киргизские эпические песни, в их живом песенном звучании, к четырехстопному хорею.

Сохранение всех аллитерационных ходов киргизского подлинника стоило бы русским переводчикам огромного труда и отрицательно сказалось бы на ряде других сторон перевода, в частности на точности передачи основных образов и содержания эпоса. К тому же действенность внешней аллитерации в стихе, который не поется, а читается, так резко падает, что для читателя, который не привык к этому приему, не привык акцентировать начало стихов, совпадение начальных букв смежных строк может просто остаться незамеченным.

Нам кажется, что переводчики гг. С. Липкин, М. Тарловский и Л. Пеньковский, стремясь сохранить все формальные особенности киргизского эпоса, нашли в данном случае правильное решение. В их переводе аллитерационные схемы оригинала сохранены в той степени, в какой это необходимо для того, чтобы дать русскому читателю достаточное представление об этом распространеннейшем приеме киргизской народной поэзии.

Переводчики ставили перед собой задачу ознакомить русского читателя не только с содержанием киргизского эпоса, но и с характернейшими особенностями национальной формы. Они очень далеки от мысли, что им удалось преодолеть все трудности, стоящие на их пути. Они рассматривают свою работу лишь как первый опыт разрешения огромной и сложной задачи.

*Е. Мозольков,
У. Джакшишев.*

↑

Мазанко
похода

±

Перевод
МАРКА ТАРЛОВСКОГО

⌘

Возвешение похода

Шесть ханов, недовольных гордостью и независимостью Манаса, который мало считается с феодальной знатью, вступают в заговор. Манас грозит заговорщикам беспощадной расправой, если по истечении сорока дней они не явятся к нему с повинной. К концу данного мятежным ханам срока Манас решает привести в боевую готовность свое войско и созвать своих сорок богатырей. Он приказывает выстрелить из громадной пушки Абзель, грохот которой слышен по всей земле. Это служит сигналом к сбору войска Манаса и его сорока богатырей.

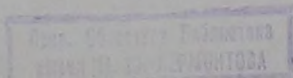
Поглядел на звезды Манас,
На светильник, что ввек не гас,
На извилины звездных рек,
Не скудеющие вовек.
Ак-кельте* свой поднял Манас;
Самопального порошка,
Сколько может вместить рука,
Всыпал в дуло он из мешка;
В самопал прославленный свой
Свинец оплавленный свой,
С полбарана величиной,
Вбил он шомпольной булавой,
Сделал пулей его боевой,
Сизогривый стрелок такой.
Обратился он на восток,
Огромный фитиль зажег,
Он сказал: «Вседержитель свят,
Открывается мой казат*!»

Оборвались людские сны,
Бубны грянули со стены,
К пушке бросились силачи,
Удалые джазайылчи*.
Та пушка была грозна,
Гордилась ею казна,
Смертным она в старину
Провозглашала войну,
Открывала она казат;
Служила набатом она,
Глушила раскатом она,
Дружила с булатом она,
Была в семь обхватов она;
Была поката она,
Была щербата она,
Была на канатах она;
Длиной с вековую ель,
За семь верст когда-то она
Попадала в любую цель,
И звалась та пушка — Абзель.
Семь десятков джазайылчи

31990.

Прислугой были при ней,
Обленились джазайылчи,
Спали в пушке они своей.
Но, заслышав Манасов рев,
Свой они покинули кров,
Сухого песку принесли,
Со скребками в пушку вползли,
Ржавчины двенадцать слоев
С пушки они соскребли.
Стало чисто в медном зубу,
Сошел с Абзеля загар,
Пороху им на пальбу
Привезли между тем арбу.
Выкатили чугунный шар;
Высокий, с корнем, чинар
Вытащили из земли,
Жерло им насквозь прошли.

Абзель, голодный реун,
Голодавший семьдесят лун,
Проглогил чугунный валун,
Пороху целый курджун*
Ухом своим проглотил;
Шестьсот веревочных жил
Шестьдесят чинаровых пней
Охватили сетью своей;
Вкруг Абзеля, чтоб был прочней,
Обвились всей сетью своей.
Кончилась эта возня,
Дошел черед до огня:
Поддев копьем головню,
Муршап* на своем коне
Шипящую головню
Поднес к запальной казне.
Дошел до огня черед.
Давай убегать народ!
Давай без оглядки прочь,
Давай в беспорядке прочь...
Спасайся, кому не лень!
Затмился над пушкой день,

Закатная пала тень,
Зловещая пала ночь,
Оглохли, кто был вокруг,
Осела земля вокруг,
Лязгнули звенья кольчуг,
Лопнули крепи подпруг,
Самый далекий аул
Услышал Абзелев гул,
Все вняли Абзелю там:
Стоявшие сели там,
Сидевшие полегли,
Спавшие в землю вросли.
Кто сроду был глух, и тот
Пролил холодный пот;
Знатных и бедняков,
Сильных и стариков
Сшибло с их тюфяков,
С войлока и с шелков;
Даже из рук матерей
Вышибло малышей...
Вот он, Абзель, каков!
Кумганы* в трезвоне там
Упали на очаги,
На привязях кони там
Стали чертить круги,
Верблюды рыдали там,
Гусаки гоготали там,
Птицы, с насестов слетев,
Горланили нараспев,
Гавкнул каждый цепной кобель,
Рявкнул важно шальной Абзель.

Переполошились кырк-чоро*,
И вооружились кырк-чоро.
Заслышав пушечный зов,
Пошли они, сорок волков,
Пошли с сорока концов,
Повели они сорок полков.
Мы их выследим, кырк-чоро,
Перечислим их, кырк-чоро:

Кто был равен по силе им,
Этим истинным кырк-чоро?
Мог чоро* ударом одним
Маралу сломить ребро,
Следопытом был каждый из них,
Знаменитым был каждый из них;
Где во тьме не видать дорог,
Лисий след отыскать он мог;
Если б месяц в тучи ушел,
Он барсучий бы след нашел.
Перечислим же их теперь,
Назовем их по именам:
Кряжистый торо* Бакай,
Кюльдеров сын Чалыбай,
Краснобай, шутник, Аджибай,
Киргизский бек* Кутунай,
Кара-токинец Маджик,
Камбаров отпрыск Чалик,
Саргал, вернее — Сатай,
Сын бия Сабая Атай,
Из рода Уйшун Умют,
Джайсан, его знатный сын,
И черный ходжа* Аргын,
Которого так же чтут;
Бекбек, Шабек, Шюкюрю,
Из рода Арбан Алтай,
Из рода Дорбон Тор-Ай,
Прорицатель черный Толок,
В гаданиях знавший прок,
И собрат его Агыбай,
Что по хватке стать вровень мог,
Что гадать по лопатке мог.
Токотой шел из дальних стран,
Издаляка шел Элеман,
Старший в племени Калмакан;
Шел могучий батыр Серек —
Это был скала-человек;
За Серекком Сыргак выступал,
Никакой их кулак не сшибал;
Шли Абыши седло к седлу,

Их отцом был Конгоролу.
Аваз шел с войском своим,
Алакен, чей отец — Алым,
Маджик, льву подобный батыр,
Джайнак-шутинский Кадыр,
Что весь мир мог речью увлечь
И любой возвести поклеп;
Ирчиул со звериных троп,
Бозуул, сокрушитель скул,
И Баймат — Плешивый лоб:
Он любого б в охапку сгреб,
Он любого б наземь швырнул;
Шел казах, степняк Джорунчу,
Шли Кыргызн, Боголь, Торулчу,
Сын Шынгы, отважный Кербен,
Знаменитый хитрец Дорбон,
Кызыл-Маш, что славой гремел,
Что по-волчьи рыскать умел;
Всех их старше — не забывай —
Всех их опытней был Бакай.
Все они друг за дружкой пришли,
Привлеченные пушкой, пришли.
Лебедь, вытянув шею, летит,
Любого он гуся опередит;
Лелеемый птицей побед,
Летел к реке Ашмара
Лугами земли Алмалу
Лучезарный торо Алмамбет.
Обгоняет лебедь гусей,
Обскакал он своих друзей,
Объявился сороковым,
Обнялся с Бакаем седым.

Клинками сверкая тогда,
Коней понукая тогда,
Камчи* подымая тогда,
Кырк-чоро сомкнулись кольцом,
Вкруг Бакая тесным кольцом.
Кряжистый Бакай-старик
На «салам»* ответил «алик»*.

«Милые азаматы*», сказал,
Нам грозят супостаты, сказал,
Будут львом они смяты, сказал,
Ведь смельчак он завзятый, сказал,
Властной пушки раскаты, сказал,
Возвещают волю его.
Растревожен суровый Манас,
Пир готовит нам новый Манас,
К походу готовый Манас.
Слышал голос лосёвый Манас.
Скулил до рассвета лось,
Соловьиное пенье лилось:
«Седло на тулпара* набрось!» —
Советовал с ветки певец.
Слинял гнедой жеребец,
Это значит — не действуй врозь!
Недаром мечется лось,
Недаром поет соловей:
Нет на свете чутья острей,
Чем у вещей птиц и зверей.
Оттого и тревожатся скакуны,
Острыми ушами прядут —
Орды с вражеской стороны,
Очевидно, на нас идут;
Озеро корчится от волны,
Осыпаются с гор валуны, —
Это происходит всегда,
Если недруга ждет беда,
Если Манас-Канкор*
Хочет вражьи отбить стада,
Ханов раздавить без следа».

Без оглядки, голову очертя,
Безжалостно коней колотя,
Друг друга опередить стремясь,
Властителю угодить стремясь,
Прискакали при свете зари
К Манасу богатыри.
Взошел Манас на курган —
Всякий струсил бы перед ним,

Ибо гневом он был обуян.
Изменился Манас в лице,
В глазах полыхал пожар,
Это был живой аджидар*.
Оттопырилась, размякая, губа,
Распузырилась другая губа;
Он глядел, как полночь глядит,
Был, как пасмурный день, сердит.
Губы он вздул, как ножны,
Щеки были напряжены
И усами вооружены.
Каждый ус был на меч похож,
В глазах огонь бушевал,
Визг и скрежет рот издавал.
Верблюда он напоминал,
Что от похоти изнывал;
Виски его мрак покрывал,
Волосами Лев потрясал,
Так в тот час они густо пошли,
Так обильно они росли,
Что поспорить с шерстью могли:
Пять пайпаков* бы шерстяных
Можно было связать из них.
Вот как выглядел Лев-мудрец,
Возмущенный Манас-храбрец.

Сорок батыров, почуяв гнев,
Содрогнулись, как мел побелев.
В землю опущенных глаз
Не смели поднять они,
Напрасно азаном* вдали
Мулла за курганом, вдали,
Взывал к мусульманам, вдали:
Кырк-чоро к нему не пошли,
Не встали они с земли.
«Мы сидим, как сидит Манас, —
Говорили они меж собой, —
Бархат был под ним и атлас —
Он сменил их на холм сырой.
Лишь вчера на перины он

Клад свою гриву Льва,
А теперь его львиный сон
Ублажает одна трава;
Лишь вчера он сидел в тепле,
В стенах роскошных палат,
А теперь, объявив казат,
Сидит на сырой земле,
Обмораживает свой зад,
Согревается лишь в седле.
Что еще нам предстоит?
Чем нас Манас угостит?»

Обращение Манаса к войску

Ни один из мятежных ханов не посмел опоздать. Один за другим прибывают они к Манасу со своими войсками. Манас милостиво принимает их и убеждает принять участие в походе против исконных своих врагов — китайских ханов. Затем он приводит войска к присяге. Главным военачальником (зардалом) избирается старейший из кырк-чоро — Бакай.

Часть войск недовольна походом. Манас обращается к войскам с речью, в которой рисует трудности предстоящего похода и, вместе с тем, описывает чудесные, заманчивые земли, через которые лежит их путь. Богатырь Алмамбет, родом из Китая, единственный из участников похода знающий эту страну, вызывается быть главным проводником.

Вы ли это те, за кого
Я вас всегда принимал?
Вы ли это те, в чью речь
Я сердцем своим вникал,
За кого бездыханным лечь
Готов Бакай-аксакал*?
Вы ли это те, с кем я
Переступал рубежи,
Кому надеялся я
Отдать в добычу Манджи,
Отдать Таншан и Анджи,
Отдать великий Бейджин*?
Вы ли это те, с кем я
В походах моих кружил,
Здесь ли ты, мой народ?
Здесь ли те, кто со мной
Переходили вброд
Чуй с кипящей волной?
Здесь ли все те, кто шли
Со мной к берегам Или,
Кто слушали звуки труб,
Любили их медный рев,
С уступа в диких горах
Карабкаясь на уступ,
Руслами пересохших ручьев,
Рушащихся скал не боясь,
Руками друг с другом сплетясь?

Вы ли это те, пред кем
Раскинулся Шарпылдак,
С кем разграбил я Аягуз,
С кем ослабил я Чок-Терек,
С кем я вотчиной сделал своей
Заболоченный Эгизек,
С кем трепетала душа,
Когда, у берега Иртыша,
Перед взором моим возник
Отгоревшего дня двойник,
Свет ночей белесых возник,
На его утесах возник,

И, себя на брызги кроша,
Сыпучими искорками пляша,
Сиял на кончиках пик
Свет полночного Иртыша?

Здесь ли те, с кем видали мы,
Как хребты переходят в холмы,
Как холмы степями становятся,
Как враги рабами становятся,
Как степная трава полынь
Переходит в песок пустынь,
Как с другой стороны трава
Переходит в водную синь,
Как на ней встают острова,
Как спадает с плеч голова
И как с другой стороны,
Отрубленная сперва,
Прикрепляется снова она,
Приживляется снова она.

А известно ли вам, что есть
Чудеса, которых не счесть,
На том великом пути,
Что нам еще предстоит? —
Есть земля там, и в той земле
Птица есть об одном крыле.
Кто о диком верблюде слышал?
Кто о том, что есть дикие люди, слышал?
Кто о медведе Алатхахе слышал?
О нем не всякий слышал.
Жесток и злобен этот медведь,
Женоподобен этот медведь.

Есть земля, где свои дома
Люди выстроили на плотях
И живут посреди реки,
Искусно прыгая в челноки
И ставя в разных местах
Икромечущим рыбам садки,
Иноземным птицам силки.

Есть там много еще чудес:
Есть кладбища оленьи там;
Мы разыщем коренья там,
Что любой недуг победят;
Там лекарства от хвори есть,
Там лекарства от горя есть,
От чумы там лекарства есть,
Там от старости средства есть,
Против смерти там зелье есть,
Средства там для веселья есть,
Там трава от бездетства есть,
Там звериные царства есть,
Барсучество и Медведство есть,
Орлячество и Архарство* есть,
Зайчество и Лисичество есть,
Без людей государства есть,
Бессловесные величества есть,
Баснословных всяких чудес
Большое количество есть.

Мухи водятся там
С казарок величиной,
Мыши водятся там
С овчарок величиной.
Колючки — длиной с копье,
Кольчугу сдерет репье,
Каждая камышина
Крепче кольев Бейджина, —
Надо с ней в поединок вступать.
Водная птица шумит:
Когда над водой взлетит,
Кажется — гром гремит,
Грозная туча идет,
Густая ночь настает.
Горами та птица помет
Вдоль берега громоздит.

Плоды там даром гниют,
Птицы лишь их клюют,
Природы напрасен труд.

Пря множеством груд,
Прекрасным грузом ветвей,
Падалицей для червей
Пропадают эти плоды.

Жилы золота и серебра
Желтеют в ручьях на дне,
Жаждут света в земной глубине,
Животворного заступа ждут,
Ждут, когда их люди найдут.
Как невеста, лицо прикрыв,
Медногубая Джестумшук
Там гоняется за людьми,
Как за мухами злой паук;
Волшебный змей Сырасты,
Вьют с восьмью версты,
Водится в тех краях.
Роится в лесу оса
Ростом с доброго пса.
Шуршит листвою муравей —
Шакальих кривых зубов
Жвалы его длинней.
Волки небывалые там:
Кони трехгодовалые им
Подобны по величине,
Нехватает им лишь тавра.
Есть там призрак Джабырбаян,
Есть там сказочный великан
По имени Ачалык.
Не расскажет о нем язык:
Он высок и четыреглаз,
Он всю землю видит зараз,
Может он вперед и назад
Свой удвоенный кинуть взгляд.
Всекие там чудовища есть,
Там у них становища есть.
Никакой им не надо стряпни —
Глодают камни они;
Годами ни слова не говорят,
Голос богом отнят у них.

От такого не удерешь:
Если встретишься с ним, умрешь.
С призраками сражаться там
Нам еще предстоит:
Никакой им не нужен щит,
Никакой их меч не страшит.
Мы там наткнемся на львов,
Созданных из одних паров;
Через марево мы пройдем,
Все в испарине, мы пройдем;
В воздухе висящим путем
Воины пробьются мои.
Сверху хлопья тумана ползут,
Снизу топью барханы сосут;
С плотью из дымчатой пелены,
Пастухи, что еле видны,
Призрачных баранов пасут;
Вся прозрачная, как волна,
Та страна обманов полна,
Вся плещется, как море, она,
Мерещится в просторе она,
Между истиною и сном
Перебежчица только она.

Взрывчатым своим порошком
Там город Канкуш знаменит:
Рассыпают его тайком;
Кто его задел каблуком,
Тот себя же воспламенит.
Тундра там на севере и тайга,
Тусклым солнцем ласкаемые снега;
Там же, где находится степь,
Туземцами названная Чийга,
Черноглавый Джаншан стоит,
Величайшая из вершин.
Там — народ, с которым войну
Ведет неустанный джин.
Этот джин в пещере живет,
Он любимцем пери слывет.

Ты ли это, мой верный народ,
С которым к Бейджину я
Пойду дорогой невзгод?
Здесь ли те, кто со мной
Славу пойдут добывать,
Под бейджинской шуметь стеной,
Ворота с петель срывать?
Здесь ли тот народ, что со мной
Пойдет на Китай войной,
Что, пленяя китайских жен,
Будет их красотой поражен,
Будет их мужьям угрожать,
Будет девушек обижать?

Здесь ли те, кто со мной
Стремниною огневой
Должны на восток потечь,
Китайское войско сечь,
Себя в арстанов* облечь,
У бейджинских медных ворот
Адждара дикого взять,
Золотоязыкого взять;
Льва, который Бейджин стережет,
Под свирепый рык его взять?»

Искусным рассказом своим
Изрядно Манас напугал,
Искося глазом своим
Испуганных наблюдал.
Всех малодушных потряс
Рассказом своим Манас,
И шептаться стали они:
«Еще никто из людей
Таких не слышал угроз.
Раньше ночи стало темно.
Было жарко — стукнул мороз.
Ни живы мы, ни мертвы.
Как ветер стебли травы
Глушит и мнет на корню,
Так смяты сейчас мы все,
Так все мы оглушены.

Попали мы в западню.
Для того ли, идя сюда,
Украшали нашу броню,
Подбирали коня к коню,
Утешали мы нашу родню?»
Вот как напугал их Манас,
А ведь их боялся ойрот,
Был потерян победам их счет.
Их боялся с юга Катас,
И с севера — Каракум,
Их боялись Кюльсар и Урум,
Этих праведных мусульман.
«Уймите ропот и шум,
Не тратьте напрасно сил!—
Войску сказал Манас, —
Чем я вас обидел? — спросил.
Из киргизов, служивших мне,
Кто удач не видел? — спросил.
Кто же, — Манас их спросил, —
Эти страны раньше видал?
Кто там из вас бывал?»
И вышел тогда нойон*,
Прославленный Алмамбет.
На груди своей руки он
Перед Манасом скрестил.
Как Манас, он кокджалом* был,
Полководцем немалым был.
От нечистых он был рожден,
Но давно уже чистым стал;
Был язычеством осквернен,
Но исламом себя спасал.
Смело он ко Льву подошел,
Сладкую речь повел:
«Султан мой, властитель наш!
Сила твоя велика.
Есть сорок волков у тебя,
Восемьдесят четыре стрелка;
Не шадят голов для тебя.
Пусть никто из них не шипит,
Что я поганый джигит,

Что я отродье собак,
Что я презренный калмак*,
Что я китайцам земляк,
Что цена мне — конский кизяк!
Но из всех, кто служит тебе,
Одному лишь Бейджин знаком:
Я с Китаем один знаком,
С теми, мой господин, знаком,
Про которых спрашивал ты.
Я у этих проклятых жил,
Их на горных я скатах бил,
На речных перекатах бил
И в бейджинских палатах бил.
Утеснил я племя Джаба, —
Вот что сделал твой Алмамбет!
Велик батыр Конурбай.
Был батыр тот непобедим,
Но твой преданный Алмамбет
Силами померялся с ним:
Алмамбет твой копьем своим
Нанес Конурбаю удар;
Я тот, кем повален был
Конурбаев скакун Алгара;
Я тот, кто китайцев бил,
Я тот, кто китайскую кровь
Пригоршнями черпать мог;
Я тот, кого меч не берет
И кто, невредим и цел,
Вышел, отерши пот,
Из бейджинских медных ворот».
Тут Алмамбет замолчал.
Кроме него, никто
Китайцев еще не встречал.
И встал с престола Манас.
Народ невеселым стоял,
Пред его престолом стоял.
Пятиться было поздно назад,
Приходилось итти на казат.
И сказал им Манас-Канкор:
«Одному Алмамбету знаком

Далекий путь на Китай.
Пусть он будет проводником,
Пусть он нам хоть одним глазком
Поможет взглянуть на Китай!
Если в озеро ринется он,
Озером поплывем мы за ним;
Если кручами двинется он,
Кручами пойдем мы за ним;
Если ветром прикинется он,
По ветру полетим мы за ним;
Если зверем ошетинится он,
Наши копыта сплотим мы за ним;
Если вдруг закручинится он,
Все тогда загрустим мы с ним;
Либо в земле нам чужой
Зачервивленными придется лежать,
Либо с добычей большой
Осчастливленными придется стать.
А тогда и беднейшим из нас
Немало перепадет.
С Бакаем, старейшим из нас,
Пусть нас Алмамбет ведет!»
Устремив на полчища взор,
Умолк на этом Канкор.
Голоса раздались кругом:
«С Алмамбетом-проводником
И со старым Бакаем мы!
Ничего не теряем мы!
Если раз они спросят нас,
Ответим тысячу раз!»
Алмамбету и Бакаю меж тем
Приятны клики толпы.
Алмамбет им угоден всем:
Он — знаток военной тропы.
И Бакай им угоден всем:
Он — начальник над войском всем.
Удачно их подобрал
Умудренный небом Канкор.
Умные они главари,
Что там ни говори.

Свидание Манаса с Каныкей

По совету Алмамбета, Манас перед выступлением в поход заезжает к своей жене Каныкей. Предложив Манасу и его дружинникам прощальное угощение, Каныкей преподносит им подарки, заранее приготовленные ею на случай похода. Здесь все необходимое снаряжение — и одежда, и доспехи, и оружие.

Алмамбет Манаса нагнал,
Рядом поехал с ним.
«Я доволен, мой Лев, тобой
И доволен был бы судьбой, —
Сказал ему Алмамбет, —
Но одно сокрушает меня:
Кырк-чоро обижают меня.
Киргизами они рождены,
Корят меня тем, что я
У бейджинской рожден стены.
Говорят — из калмаков ты,
С нами не одинаков ты,
За тебя высокой цены
Ни один правоверный не даст,
Цена тебе та же, что и рабу,
Ты не брат нам, презренный раб,
Язычник ты, пустосвят..
Вот как меня чествят!
Но не об этом, мой Лев,
Я речь хотел повести:
О достойнейшей Каныкей,
О супруге третьей твоей,
Речь я хотел повести.
Кара-хана мудрая дочь,
Перед походом помочь
Может нам советом она.
Лучшая из гадалщиц она,
Лучшая из вышивальщиц она,
Лучшая из прях и ткачих.
Если раньше заглянем мы к ней,
Будет легче нам в землях чужих.
Заглянем к твоей жене!»

Мудрецом был твой Алмамбет,
Меток был Алмамбетов совет,
Манасу он был по душе.
В тайну грусти он львиной проник,
В душу сын Бейджина проник.
По родне нечестивцем он был,
На войне прозорливцем он был.

Угодил Манасу чоро,
Умел он тайну украсть,
Угадал он, какая страсть
Угнетала Арстанов дух.
Умея не только прясть,
Утешит супруга его...
Отправился к третьей жене,
К своей Каныкей, Манас;
С ним сорок его друзей
Ехали в орду Каныкей.
Прежде чем ко дворцу Каныкей
Приехали сорок друзей,
Сквозь червонные ворота его
Заглянем украдкой к ней,
К умнице и красавице Каныкей!
«Если он не заедет ко мне,
Будет плохо ему на войне,
Пропадет в чужой стороне», —
Во дворце говорила она.
Сорок замужних подруг,
Чтоб делили с нею досуг,
Вызвала умница Каныкей.
Одна учтивей другой,
Одна красивей другой,
Собрались они в кружок.
Пахли травами их тела,
Глаза их из-под бровей
Сверкали, как зеркала.
«Пойдемте встречать гостей», —
Так сказала подругам своим
Тетка твоя¹ Каныкей.
У ворот дворца своего —
«Султан мой, — сказала она, —
Подпирается палкой хромой —
Пословица древняя говорит.
Знаю я, что слава вас ждет,
Что султан мой войско ведет,

¹ Обычное в впосе обращение к слушателю.

Что походом султан идет,
Но не знаю я одного:
Куда, зачем, на кого...»
Нахмурил брови Каблан*,
Гневом был обуян,
Как джолбарс*, хвостом завертел,
Ответить ей не хотел.
И опять Алмамбет помог:
«Тетка моя, — он сказал, —
Гора Каспанская есть,
Ворота бейджинские есть,
Кочевье Табылгинское есть,
Кони там исполинские есть,
Шестьдесят там джайсанов* есть,
Младший брат тем джайсанам я
И рожден Азиз-ханом я.
Мы на сына калдая* идем,
На поганого Конурбая идем
И с тобой проститься хотим,
Твоим советом теперь
Мы заручиться хотим».
Рта он еще не закрыл,
А уже почтенный Кыргыз
Спешился, похлопав коня,
И другие чоро вослед
Спешились, мечами звеня.
Сорок подневольных девиц,
Скрытниц и баловниц,
Спеша батырам помочь,
Слетелись быстрее птиц.
Каждая иноходца ведя,
К медным кольям ведя,
Смеясь и проказя, пошла,
К золотой коновязи пошла,
Прикрутили они коней.
Слез Канкор с Ак-кулы*,
Слез он важно с седла.
Сладостная Каныкей
Тонконогую лошадь ту
Собственноручно взяла,

Сильными руками взяла,
И у золотого кола
Стал землю рыть Ак-кула.
Стала хлопотать Каныкей,
Двигаясь, как стройный элик*,
Пригласила в шатер гостей,
И Манас к ней первым проник.
А за ним все сорок чоро,
Льва сопровождая, вошли,
Старшинство соблюдая, вошли,
Вежливо приседая, вошли.
Стали гости пить натошак,
Опьянил их крепкий арак*,
Одурманились там
Питьем кумысным они,
Очаровались там
Столом живописным они,
Отпускали шуточки там
Девушкам бескорыстным они.
Зашумело у них в головах,
Стало им жечь кишки,
Капли пота сверкали на лбах,
Развязались у них языки.
Новые напитки еще
Каныкей придвинула к ним,
Веселость прихлынула к ним,
Скромность покинула их,
Расхвастались, не стыдясь:

«Всех ученостью я затмил! —
Вскочив, один закричал, —
Въедливыми вопросами я
Важного хожу утомил».
«А я, — другой закричал, —
Невежеством всех затмил,
С самыми темными я
В невежестве состязаться могу,
Я всех бы их разгромил,
Сора нет у меня в мозгу!»

«Уймите хвастливый крик, —
Улыбаясь, сказал старик,
Убеленный сединами старик, —
Кто ученостью нас пугал,
Тот мало ее припас.
Первый попавшийся аксакал
Ее бы живо растряс.
Кто невежеством щегольнул,
Тот тоже нас обманул:
Истинный невежда лишь тот,
Кто к Манасу еще не примкнул».

Привстала умница Канькей
И такую речь повела:
«Слушай, друг Манасов, аяш*,
Уважаемый Алмамбет,
Слушайте, в перезвоне чаш,
Кырк-чоро, мой добрый совет!
Как мелкий лесной мураш,
Кишит неприятель ваш,
Китайцам ведь счета нет.
Чтоб помочь от знойных лучей,
Чтоб стужа вас не трясла,
Чего я не припасла?
Чехлы есть для ваших мечей,
Чапраки есть для ваших коней,
Чулки есть для ваших ступней,
Чесаная овечья шерсть
Чресла бы вам облегла.
До утра переждать бы вам!
Всё у вашей золовки есть:
Время для подготовки есть,
Вдоволь сноровки есть,
Кошмы для ночёвки есть,
Кузнецы для подковки есть,
Кареюки тут плутовки есть...»

«Не надо нас соблазнять, —
Ответил ей Алмамбет, —
Время нам негоже терять,

Седло на ложе менять,
Обойдется дороже рассвет:
Перестанут звезды сиять,
Поход наш благословлять.
Помни, что твой супруг —
Племени киргизского рукоять.
Покорны, как меч, мы ему,
Помни это, аяш!
Под силу ль тот меч кому?
Нас к Бейджину Манас ведет,
Родины своей рукоять».

Не стала ему отвечать
Лукавая Каныкей;
Заиграла глазами она,
Загуляла плечами она;
За пояс взявшись рукой,
Загремела ключами она;
Из тех золотых ключей
Ключик она взяла,
Тридцать отборнейших силачей
Она к себе позвала;
Ключиком тем казну
Заветную отперла;
Знатный курджун силачи
Захватили из кладовой;
Затаившим дыханье гостям
Зрелище то было впервой:
В три обхвата был этот курджун,
Полосатый этот курджун.
Нар* поднять бы его не мог,
Надорвался б под ним и лег.
Разве только сила слона,
Чья подобна кряжу спина,
Под такую поклажу годна.
«Угадайте, — молвила Каныкей, —
Что внутри курджуна того?
Если пыль я сдуну с него,
Если руку засуну в него,
Колпаки тонкорунные я

Из курджуна того извлеку,
Подарю вам по колпаку.
Будет вас, аяши мои,
Бейджинское солнце жечь,
Безумье жажды стеречь;
Летом там без еды
Легче, чем без воды.
Ваши головы убересть
Колпаки должны от беды.
Состригши с кедиков* руно,
На шести натывав руно,
Его девятьсот старух
Стали ногтями чесать,
Сделали мягким, как пух;
Девушки его стали катать,
Девять месяцев из него
Ворсинки таскали они,
Волокна ссучали они,
Войлок сбивали они;
Волдыри вспухали у них,
Волхвы врачевали их,
Воины вздыхали о них.
Высокие колпаки
Выкроили из шерсти той,
Выделили каждый колпак
Выпушкой золотой.
Взрослый верблюд — цена
Колпаку из такого сукна.
Кто получит колпак такой,
Пусть трудится, жары не боясь,
Как верблюдица, жары не боясь.

А чтоб вам зимой не простыть,
Что же нами сшито для вас?
Как вам в зимнюю стужу быть?
Будут уши открыты у вас,
Будет нечем носы прикрыть.
Понадеются на холода
Потревоженные города,
Огороженные лютой зимой.

Обложенных стен тогда
Обмороженный киргиз не возьмет.
Осрамившись, уйдет домой.
Чтоб тогда не сказали вы,
Что хозяйка плохая я,
На каждого для его головы
Сшила по малахаю я.
Засадила я снова старух,
Девушек засадила я:
Сшит на каждого бобровый треух.
Скажете, не угодила я?
В каждый такой тумак*
Вшила по две бичевки я;
Если те бичевки связать,
На любой джигитовке он,
В любой потасовке он
С головы не будет сползать,
Стужа щек не будет кусать.
Цена ему — взрослый верблюд.

На лету жужжа и бурча,
Наконечниками бренча,
Стрелы на вас потекут:
Тело любое проткнет
Та стрекочущая саранча.
Вас молитвы не сберегут —
Воину нужен чопкут*.
Вам нельзя без чопкутов итти,
Восемью слоями одежд
Тел своих не укутав, итти.
Есть высокие чоро среди вас,
Есть низкие чоро среди вас,
Среди вас узкоплечие есть,
Весом всех превзошедшие есть.
Кто как грузен, кто как сложен,
Выведала про каждого я,
Воевать помогает швея.
Выучила я наших жен
Выкройки готовить для вас.

Чтобы сшить чопкуты для вас,
Нужен был мне прочный кыргыз*,
Нужен был восточный кыргыз.
Я велела ткани скупать,
В Бомбае и в Андижане скупать,
В Иркстане и Туркестане скупать,
В Койстане и в Индустане скупать,
Спрашивать в Анджи и Манджи,
В Комбыл и Комул заглянуть,
Встречные караваны встряхнуть,
У ткачей в Карашаре просить,
Средь орусов* шаря, просить.
Приходилось над тканью дрожать,
Над нездешним блеском ее,
Над каждым довеском ее.
Я боялась даже дышать
Над каждым обрезком ее,
Над каждым огрызком ее;
Лучшим киргизкам ее
Я отдала стегать.
Я велела ногаек согнать,
Я велела ойроток согнать,
Их под страхом плеток согнать.
Из тысячи по одной,
По одной лишь выбрала я
Для работы той вышивной.
Шесть десятков швей пожилых
Заставила я стегать,
Сорок я к ним молодых
Приставила помогать,
Пальцы их заставляла колоть,
Чуть что вкривь, заставляла пороть.
Молодая работала с пожилой,
Слой они клали на слой.
Выстегать шесть слоев
Надо было со всех краев.
Маялась сорок дней
Над каждым слоем рука,
И еще прибавлялся один
Сверх положенных сорока.

Высыпали на сорок блюд
Сорок блестящих груд
Алмазного порошка
И втерли в ткань порошок,
Чтоб скрипел в ней каждый стежок,
Чтоб была она впору тяжка.
Прежде чем стежок протянуть
По шести чопкутным слоям,
Шестьдесят приходилось раз
Шепнуть «айатиль» * швеям,
Из корана кусок помянуть.
Прежде чем иголку вогнать,
По пятнадцати раз подряд
Приходилось гнуть и ломать
Иголочный тот булат.
На подкладку пошел кадек*,
На отделку — шелк и атлас,
Медью проштопаны рукава,
Чернью заклепаны рукава,
Ни единого не заметить шва,
И молитвенные слова
Вырезаны на них.
Что чопкутные ворота тяжелит? —
Червонное золото тяжелит.
Скрыть в каждом чопкуте том
Шестьдесят зарядов сухих,
Шашек пороховых,
Шелком отделав их,
Швеям повелела я.
Если поганый копьем
Заденет такой чопкут,
Заряды, скрытые в нем,
На куски его разорвут.
А тот, кто в чопкут одет,
Будет жить еще много лет,
Взрывы его не проймут,
В сторону лишь оттолкнут.
Чтоб не вздумали обижаться чоро,
Чтоб не вздумали драться чоро,
Чтоб не стали чопкуты вдруг

Друг у друга из рук вырывать
И себя на воздух взрывать,
Что под каждым воротом там? —
Грамота приколата там;
С именем хозяина своего
Тамга* припаяна для него.

Сорок чалбарных* пар
Приготовила я на всех.
Не прокусит даже комар
Кожу таких чалбар.
Китайцы — хитрый народ,
В дебрях их древней страны
Ноги должны быть всегда
Надежно защищены.
Не пробраться к вам за штаны
Ни стрелам, ни мошкаре,
Ни холоду, ни жаре.
Купцы, проходившие тут,
Караваны проводившие тут,
Клялись, что в дальних горах,
Крутых Дандунских горах,
Косматые козероги живут,
Бородатые недотроги живут.
Шкуры толще, чем палец, у них.
Шатается скиталец такой,
Шмыгая между скал глухих.
Шить чалбары из шкур таких —
Почетный труд для портних.
Шестьдесят отборных стрелков
И Манасов брат Абыке
Принесли мне с горных снегов
Туши этих бурых теке*,
Толстошкурых этих теке.
Я велела их ободрать,
Шкуры в белый сундук убрать,
Чтоб под жарким солнцем они
Не начали выгорать.
Крепким должен быть наш покрой:
Козлиной коже сырой

Полгода пришлось лежать,
Преть под яблочной кожурой.
Полгода ее мне пришлось
В чане дубильном держать,
Запахом могильным дышать.
Выбран мной был скорняк Шагыл,
Выкуплен в Андижане был,
Опытом своим нам помог
Этот выкупленный скорняк,
Каждый выдубленный кусок
Под его надзором размяк.
Драгоценных сорок чалбар
Девяноста закройщицам я
Доверила из кожи кроить.
Дала я наказ Аруке,
Дочери волшебницы, Аруке,
Девушек построже учить.
Девять месяцев сыромять ту
Давили зубами они,
Края ее смачивали во рту,
Стискивали зубами они;
Кусая ее и жуя,
Каждая старалась швея
Чалбарные выравнивать швы,
Чтоб гладки были те швы,
Чтоб в порядке выход рубца
И с подкладки был и с лица.
Наподобие чешуи
Насекомого иль змеи,
Положили к стежку стежок
Портнихи эти мои.
Цельной пары чалбар цветных
Не хватило каждой из них:
Взяли по половине они,
Расшивать по штанине пришлось,
Каждой рабыне пришлось.
Булатные опилки к тому ж
За подкладкой помещены.
Знатные получились штаны.
Загнется стержень копыя,

Но дыры не сделает в них.
Не проколоть их копью.
Шестьюдесятью пятью
Кулаками били по ним,
Колотили их мои силачи.
Крепость их проверяла я,
Краски их растирала я,
Дробью их расстреляла я,
Вреда им не причинив;
В костры их швыряла я,
Топлива подбавляла я —
Не повредил им огонь.
Породистый, лучший нар
Пары таких чалбар
Дешевле в семь раз, клянусь!

Камень круч бейджинских горяч,
Кусает ноги песок:
Кумган холодной воды,
Постояв на таком песке,
Превращается в кипяток.
Чтобы легок был долгий путь
По таким горячим пескам,
Чтобы не было худо ногам,
Надо крепко ноги обуть.
Не легок сапожный труд —
Нужен тут осторожный труд.
Сорок пар походных сапог
Сшили вам для любых дорог.
Не сгорят в мертвящем песке
Те скрипящие кокджеке*.
Золотые гвоздочки на них,
Медная оторочка на них, —
Каждый звенит сапожок.
Выдолблен тайничок
Сапожником в каблуке:
Звонкие бубенцы
Сапожники-хитрецы
Спрятали в кокджеке.
Вот как я старалась для вас!

Летние пайпаки для вас
Парчою обведены,
Зимние пайпаки для вас
Лисьим мехом защищены.
На портянки белый кадек,
Чтоб китайский их меч не рассек,
Затратить велела я.
Драгоценный этот запас —
Всё, что было сшито для вас, —
В огромный курджун вошел,
Оттого-то он так тяжел.

Китайцы — древний народ.
Впереди — тяжелый поход.
Быть может, и через год
Вам язычников не сломить.
Под звенящими стрелами вам
Придется путь пробивать.
Как вернуться целыми вам?
Как с таким врагом воевать?
Да хранят вас, чоро, небеса!
Есть особые для вас пояса:
Незаметны на них и швы,
Вот как работа чиста.
Опояшете ими вы
Мужские ваши места.
Этих мест китайской стреле
Не дадите вы осквернить,
В безопасности и в тепле
Их сумеете сохранить.
Хватит этих вам кушаков,
Чтобы груди опеленать,
Чтобы сердце своих толчков
Не должно было обрывать.
Сорок червонных щитков
Укрепляют каждый кушак,
Сорок алмазных глазков
Украшают каждый кушак,
И молитвенные слова
Вырезаны по краям.

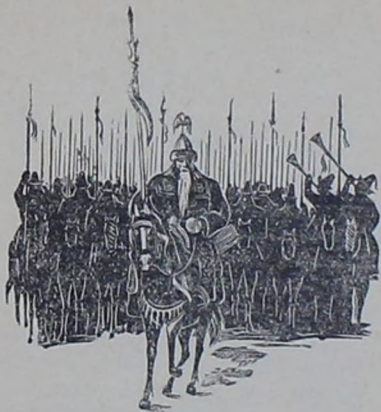
Вот как я старалась для вас,
Вот что приготовила вам.
Весь курджун на вас трачу я,
Восемьдесят четыре чанача* я
Пороху боевого кладу,
Сотню пуль — вот вам слово! — кладу;
Всё я для самопала кладу:
От ножа до кресала кладу.
Всё, в чем можно терпеть нужду,
Я, искусно пряча, кладу,
Я с молитвой горячей кладу;
Сорок раз фитиля одного
Пятьдесят кулачей* кладу,
Всё, что нужно, в курджун кладу».

Так сказала умница Каныкей.
И не все поверили ей.
Но зато поверили те,
Что были других умней.
Слух она усладила им,
Словом своим польстила им,
Сладила с трудным делом она.
«Слепо ей верьте, — Арстан сказал, —
Слабой женщине верьте, — сказал. —
Если я стану бранить ее,
Мать и отца чернить ее,
Если плетью хлестать начну,
Если другую возьму жену,
Пусть Ак-кельте продырявит меня,
Пусть копьё окровавит меня,
Пусть аркан удавит меня!» —
Вот как сказал Манас-Канкор.

Вышли они на степной простор,
Видят — арабские скакуны,
Сорок коней, у шатра их ждут,
Сбрую нетерпеливо грызут.
Крупы в тигровых шкурах у них,
Седла в мехах бобровых у них,
Сорок мешков пуховых у них —

Каждый на трех подпругах висит.
Золотом сбруя отягчена,
Земля копытами взрыхлена,
Змеиным извивом спина
Зыбится у каждого скакуна.
На конях доолы* висят,
По доолу у каждой луки,
Золотые у них ободки.
Обтянут каждый доол
Кожей слоновой был:
Лишь к ней прикоснешься — гул
От доола суровый шел.
Если муха обтяжку ту'
Задевала крылышком на лету,
Звон от кожи тугой
Слышен был за версту.
Если жаворонок слегка,
Пролетая близ ободка,
Перепонку ту задевал
Кончиком коготка,
Слоновой той кожи звон
Слышен был на перегон.
Подле каждого, к тому же, седла
Подвязана кольчуга была.
Были с такой частотой
Звенья кольчуг сплетены,
Что сквозь дыры в их сетке густой
Полный круг весенней луны
Полумесяцем лишь сиял.

Выступление в поход

Во главе с Бакаем войско выступает в поход. Каныкей догоняет Манаса, жалуется на томящие ее предчувствия и на то, что у нее еще нет сына от Манаса. Она просит Алмамбета хранить для нее Манаса и спрашивает, когда они возвратятся из похода. Алмамбет тоже горюет о том, что, уходя в опасный путь, он не оставил дома сына. Но жена его Аруке, сопровождающая Каныкей, успокаивает Алмамбета сообщением о том, что она ждет ребенка. Манас, смущенный прощанием с Каныкей, продолжает поход.

П оходное знамя Бакай
На копье своем водрузил,
Эр*-Бакай азан возгласил,
Перед войском несчетным вскричал,
Лебедем перелетным вскричал.
И пошли тюмени* за ним,
На все лады голося,
Золотые стяги неся,
Земные недра тряся.
Эштеков сын Джамгырчи
Свои тюмени повел,
И Тоштук тюмени повел,
И Урбю тюмени повел.
Подавая другим пример,
Тюмени киргизов шли.
Не сдает киргизский джигит,
Куда его ни пошли.
Кокчо своему вослед
Казахи, скрывшись в пыли,
Шли немалым скопом вослед,
Шли по скалам береговым,
По увалам проскакивая сплошным,
Острословам поддакивая смешным,
Запевалам подтягивая блажным,
Дальше — в шелковых кушаках,
При курджунах и бурдюках,
Шеголяя стягами на древках,
Шиты сжимая в руках,
Шелкая камчами слегка,
Шекоча аргамакам бока,
Шуплым врагам грозя,
Шебень подкопытный меся,
Шеки раздувая свои,
Шедро хвалы вознося
Счастьем меченному Али,
Сынчибековы люди шли,
Выступала Андижанская рать.
А за ними, в кернеи* трубя,
Сурнаями* уши скребя,
Доолами воздух рубя,

Погремушками душу долбя,
Стяги свои всколыхнув,
С Музбурчаком полчища шли.
Сзади витязи, кырк-чоро,
Сорок отрядов вели.
Двинулись они как поток.
Длинный красный схватив платок,
Долго не думая, Каныкей
Доблестных сорок друзей
Догнала уже в пути.
Райских дев была краше она.
Закричала «аяши!» она,
Сладкозвучней птицы кекюк*
Заквоковала она,
Заставила сделать крюк,
Заколдовала она.

Сделав крюк для нее,
Сдержали чоро коней.
Сам Лев повернулся к ней,
Стал слушать ее Манас,
Заплакала Каныкей:

«Засушливых сорок дней
Зловещим грозят чильде*!
Завтра начинается зной.
Запасся ли ты водой?
Золото батырской узды
Заменить не может воды.
Заклинаю тебя, постой,
Забывать нельзя о чильде.

Кто из вас в Бейджине бывал?
Кто в безводной пустыне бывал?
Кто на снежной вершине бывал,
Там, готовясь к кончине, бывал?
Может, вас та кончина ждет,
По дороге к Бейджину ждет?
Может, вам в Анджи иль Манджи
Меч врага прикажет «лежи»?

Мощь скота в приплоде живет,
Мощь пчелиная в меде живет,
Мощь страны в народе живет,
Мощь дыйкана* в работе живет,
Мощь будана* в поте живет,
Мощь кобылы в гриве живет,
Ветра мощь в порыве живет,
В ветре мощь облаков живет,
В ливнях сила ручьев живет,
Сила вьюги в службе живет,
Мощь супруги в муже живет,
Мощь моя в Арстане живет,
В джолбарсе, в хане живет,
В Мавасе — мощь Каныкей.

Доведется ль услышать когда
О мужнем успехе мне,
Можно ль думать о смехе мне,
Если ты для утехи мне
Не оставил в дар малыша?
Чем была я не хороша?
Что пуховое ложе мне,
Что казна, мой пригожий, мне,
Если был бы наследник твой
Всех сокровищ дороже мне,
Если каждый прохожий мне
Говорит: «Пустой ты орех!»
Быть бездетной — это ль не грех?
Лишь посмешищем быть для всех.
Жизнь моя напрасно прошла,
Нет листвы у веток моих,
Не зачал ты деток моих!
Аяш мой, чоро Алмамбет,
Алчущий великих побед,
Если вскинутся вражеские мечи
Крыльями бесчисленной саранчи,
Если черной тучей на вас
Полчища китайские поползут,
Если языческие свои
Стяги они понесут,

Если, как черный водоворот,
У бейджинских медных ворот
Смертный заварится бой,
Если над Манасовой головой,
Совершая свой путь кривой,
Сверкнет клинок роковой —
Постарайся его спасти,
Посильно его защити,
Постоянный спутник его!»

И ответил ей Алмамбет:
«Тетка почтенная, Каныкей,
Матери к нам была ты нежней,
Позаботилась ты о нас,
Погибнуть не должен Манас.
Одиночество ему не грозит,
Охраним мы его, как щит;
Отменная киргизская рать,
Окружая его, кипит,
Озером безбрежным бурлит.

Семеро ханов за ним
Сегодня, как братья, идут,
Смело на поганных за ним,
Сыпя проклятья, идут;
Сыновья свекрови твоей,
Славные Абоке и Кебеш,
Связанные печатью, идут,
Словно единый клинок,
Следом за рукоятью, идут.

Мой удел, по правде сказать,
Больше тревожит меня,
Тоска моя гложет меня,
Кто понять здесь может меня?
Кукованье, тетка, твое
Колет мне сердце мое,
Корит меня совесть моя.
Коротая дни свои, я
Коршуном озлобился тут,

Корню уподобился тут,
Разлученному со стволом.
Друга я не вижу ни в ком,
Должен жить я особняком.
Я от одних отстал,
Но близок другим не стал,
Дружбы с моей семьей
Я, несчастный, не сохранил,
Соотечественникам я
Немало зла причинил:
Моего я султана убил,
Отрицать не стану — убил;
Если я погибну в бою,
Кто помолится за душу мою,
Кто мой прах омовенью предаст,
Кто его погребенью предаст?
В мазар* не положат меня,
Падальщики изложут меня,
Буду я на стервятне гнить,
Буду в одиночестве тлеть
Без молитвы сыновней я,
Буду падали ровней я,
Будут птицы лететь на смрад
Бранных останков моих,
Поминальной жаровни чад
Не окурит останков моих.
Разве только взгрустнет жена,
Расстроится, быть может, она,
Ранний мой оплачет конец.
Но и в ней не уверен я...
Оттого так растерян я.
Потерял я врагам моим счет,
Жизнь моя напрасно пройдет,
Как стрела, что по камню бьет.
И удачам моим я не рад,
Ибо, обернувшись назад,
Я не теплый вижу почет —
Вижу зависти черный взгляд».
Вот что кыран* Алмамбет
Сорока батырам сказал.

Усы пощипывали они,
Участливо всхлипывали они,
Стало их сердцам тяжело,
Из глаз у них потекло.
«Если человек одинок,
Будь он даже чином высок,
Будь ясна у него голова,
Какой из этого прок?» —
Говоря такие слова,
Горько плакали кырк-чоро,
И у каждого двойной ручеек
Из глаз по щетине щек,
Неудержимый, потек.
Колыхались от плача бока,
Копья, поднятые под облака,
Колебались как от ветерка.

«Надо, чтобы тоску заглушить,
Насыбаю* ему предложить.
Кто себе на язык возьмет
Андижанского того порошка,
Кручина тому не тяжка,
Коварную он сломит тоску.
Красный перец выварен был,
Черный перец выпарен был,
Примешана сагасы* зола
К этому порошку.
Если его пожуюшь,
Станет душа светла».
Сочувствуя Алмамбету, чоро
Свои достали чакчи*,
Сказали: «Горе лечи,
Слезами щек не мочи,
Сыпь насыбай из чакчи!»

К мужу своему подойдя,
Крупные, как капли дождя,
Круглые, как весенний град,
Слезы струя по щеке,
Пери подобная, Аруке

Промолвила: «Алоке!
Порадую я тебя, чоро:
Пополнело мое нутро,
Продолжится твой род, Алмамбет!
Поспевает твой плод, Алмамбет!
Праведен твой поход, Алмамбет,
Подарю я ребенка тебе,
Как верблюдица верблюжонка, тебе».

Снова затейница Каныкей
Алмамбета спрашивать начала:
«Несмышленных, нас просвети!
Сколько дней в грядущем пути,
Не покидая седла,
Придется вам провести?
Сколько ехать до Чин-Мачина* вам?
Сколько быть у Бейджина вам?
Если там уцелеете вы
И Бейджин одолеете вы,
Сколько раз на небе луна
Сызнова народиться должна,
Прежде чем аяшей опять
Придется женам принять?
Если можешь, точно сочти,
Сколько будете вы в пути,
Сколько нужно ночей и дней,
Чтобы Бейджина достичь,
Сколько нужно вам гнать коней,
Чтобы неверных настичь,
Кисти с их кушаков остричь.
Складывая походные дни,
Срок уменьшив, не обмани,
Сгоряча и не преувеличь.
Если бы сократил ты срок,
Если б меньше ты дней назвал,
Ты бы нас на муки обрек,
Горестью бы сердце сковал:
Мы бы думали — враг победил,
Прогнал от Бейджина вас,
Порубил, как скотину, вас.

Ваших коней изловил.
Если же обсчитаешь нас,
Удивить пожелаешь нас,
Раньше срока нагрянешь ты,
Ради шутки обманешь ты
Неурочным возвратом своим,
Чем мы вас тогда угостим?
Вы застигнете нас врасплох,
Будет прием наш плох,
Мы предложим горсточку крох
Вместо пышного пира вам.
Надлежащего жира вам
Не успеет скот нагулять,
Будем мы краснеть от стыда».

И сказал Алмамбет тогда:
«Что живым сюда ворочусь,
Что добычей обогашусь,
В том я не поручусь.
Если же избегнем невзгод,
Если выйдет, что в добрый час
Людей торопит в поход
Любимый славой Манас, —
На ущербе третьей луны
Мы остановиться должны.
Через Иртыш и Орхон
Наши коны переплывут.
Если выйдем мы в добрый час,
В серой степи Элемас,
Зеленых достигнув озер,
Зимовочный свой шатер
Загодя раскинет Манас.
Среди зимнего мрака там,
Сучьями тогорака* там
Станем мы костры разжигать,
Станем ястребом дичь пугать,
Стрелами ее достигать.
Так полгода мы проведем,
А когда начнут зеленеть
Копья озерного тростника,

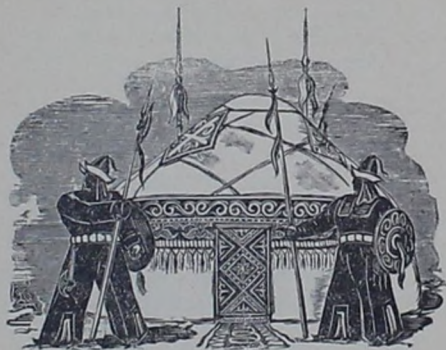
Как заметим, что стал чернеть
Кончик конского языка,
Загремим уздечками мы,
Зашлем разведчиков мы
И пойдем Бейджин осаждать.
Полгода придется ждать —
Китайцев нелегко побеждать.
Если их одолеем мы
И назад повернем коней,
Ровно за девяносто дней
Вернуться успеем мы.
И когда над миром взойдет
Девятнадцатая луна,
Лишь тогда мой сбудется счет,
Лишь тогда родная страна
Встретит сынов своих.
От бега тряского нас
Долгий отдых освободит,
У кургана Таласского* нас
Киргизский народ почитит,
Встретят жены ласково нас,
Кокджал их обогатит».

Когда Алмамбет умолк,
Похода час наступил,
В доол Кыргыз-аксакал,
Войску знак подавая, забил,
Выстроил войска аксакал,
Восклицаний прощальных гул,
Воплей печальных гул,
Выстрелов самопальных гул
Воздух вокруг всколыхнул.

Двинулись, громяхая, войска,
Тюмень за тюменем пошли,
Путем дерзновенным пошли.
За войсками батыры вслед
Ехали, любимцы побед.
Посредине — Арстан Манас,
Аксакал Кыргыз — впереди,

Хмурый Алмамбет — позади.
Со знаменами длинными все,
Со щитами червонными все
Ехали, конями гордясь.
Пленяйтесь рассказом, друзья,
Песнями старинными все!

Назначение Алмамбета

Алмамбет недоволен медленностью движения войска и просит Манаса освободить его от похода, который, по мнению Алмамбета, обречен на неудачу, если войском попрежнему будет руководить мягкосердечный Бакай. Манас решает передать обязанности зардала Алмамбету. Бакай подписывает отречение.*

Вот как Алмамбет говорил:
«Что с тобою, Манас-Каблан?
Я считал, что мудрый ты хан,
А так ли себя ведешь?
Разве муж заурядный ты?
Не как лев беспощадный ты,
Не как надо себя ведешь.
Ты ведь не скотину ведешь —
Тридцатитюменную рать
Ты к далекому Бейджину ведешь.
Пиками косыми грозя,
Припугнуть неверных нельзя:
Древний многодетный народ,
Дерзкий и несметный народ!
Похитрей будь с Китаем ты —
Потакаешь лентяям ты,
Праздными твои люди лежат,
Пустословами осаждаем ты.
Прорицатели твои ворожат —
Путают они только народ.
Отвечать за них не хочу,
Отпусти меня, дай коня,
Обратно поворочу,
Освободи, не браня!»

Взором Алмамбет засверкал,
Витязей он напугал;
Во главе с Кыргызном седым,
Все они, языки прикусив,
Смущенно глаза скосив,
Сборищем сидели немим.
Слушая Алмамбетову речь,
Сокола этого речь,
Сокрушайся и не перечь.
Поднялся с места Манас;
Пристальный богатырский взор
Помрачнел, обойдя шатер;
Правдолюбивый Манас.
Повел такой разговор:

«Неужели Бакай-старик
Получил от меня хандык*,
Стал владыкой восьми владык,
Чтобы войско купать в реке,
Поспокойней искать корма?
Уж не пьян ли мой абаке*?
Уж не выжил ли он из ума?
Не ошибся ли я в старике?
Слушайте, Аджибай и Серек,
Съездите к Бакаю вдвоем!
Старика не ругая, вдвоем,
Споров не затевая, вдвоем,
Передайте ему, что я,
Злобы на него не тая,
Почитая его, прошу
Передать Алмамбету хандык.
Правду я говорить привык.
Передайте ему, что он
Достаточно и без власти велик».

Решимости Кокджала дивясь,
Речи, что прозвучала, дивясь,
Растерялись, немало дивясь,
Сорок непобедимых чоро.
У Бакая отнять хандык!
У Бакая, старейшего из владык!
Как с наместником Кокджала самим
Вестникам сговориться двоим?
Всячески соболезнуя им,
Думали батыры: «Пускай!
Лишь бы не нам, а им
Поручением отягчиться таким!»

Смертного ожидая конца,
Скрепив поневоле сердца,
Сели два отважных гонца
С трепетом на коней своих;
Сотни спящих перепугав,
Мимо выставленных застав,
По раздолью прибрежных трав,

Подобно зайцам скача,
Трескучий тростник топча,
Перепрыгивая сгоряча
Через овраги вдвоем,
Честные бедняги вдвоем,
Помня о приказе меж тем,
Комьями грязи меж тем
Свои опрыскивая шелка,
Коням забрызгивая бока,
Мокрые им стискивая бока,
Бакая разыскивая, неслись,
Аджибай с Серекком неслись,
Два отважных бека неслись.

И, когда они вдоль реки
Скакали во весь опор,
Их завидел Бакаев дозор.
К Бакаю дозорный вбежал,
Двигаясь проворно, вбежал.
«Слушай, — он сказал, — абаке!
Два всадника видны вдалеке,
Два всадника с той горы,
Где Манас раскинул шатры.
Мы еще не знаем пока,
Кто они, те два ездока.
Приняли их сперва за ворон,
Пригляделись — нет, покрупней.
Приняли за траву-перегон —
Перекати-поле круглей.
Правят они под уклон,
Прихлестывая коней,
Торопятся, будто женам их
Сыновей родить довелось,
Или стрелам каленым их
Врагу досадить удалось
И арканам крученым их
Скакунов захватить удалось».

Старый многомудрый Бакай
В усы улыбнулся чуть-чуть;

Вдумавшись, не запнулся ничуть,
В догадке не обманулся ничуть:
«Выбегайте навстречу им,
Окажите почет вестовым,
Тем посланникам верховым.
Алмамбет, что не знает преград,
Что не станет бить невпопад,
Обладатель косы золотой,
С поясом, где цепью густой
Кисточки повешены в ряд,
Очевидно, войско догнал,
Осерчал он, видно, попав
В бестолочь беспутных забав,
Обиделся на Манаса он,
Начал хорохориться он,
Не желает позориться он;
Правя войском, столь озорным,
Показаться боится смешным,
Проститься со Львом пожелал.
Помощью его дорожа,
Лев решил, должно быть, что власть
Я уступлю, не брюзжа,
И отдам Алмамбету хандык
И послал он, видно, ко мне
Аджибая, чей ловок язык,
И Серека на гнев мой обрек,
Принудил скакать горемык —
Примем же с почетом гостей!»

Только он это сказать успел,
Только приказ он отдать успел
Толпившимся у шатра, —
Топот раздался, вихрь налетел,
Спешились гонцы у шатра.
Взяты бережно были у них
Взмыленные их скакуны,
Вход в шатер приоткрыли для них,
Мед и джал* кобылий для них
Были тут же принесены.
Усевшись, оторопели гонцы.

Угощаясь, робели гонцы,
И когда поели они,
Руки кверху воздели они.

Тут сказал джигитам Бакай:
«Вы испуганный имеете вид,
Разве мой кумыс ядовит?
Разве так я, ваш дед, сердит?
Расскажите, что вас томит.
Робеть не должен джигит».
И сказал ему Аджибай:
«Нас Кокджал направил к тебе,
Он скакать заставил к тебе.
Над всеми господствует он,
Для нас его слово — закон.
Избран ты в зардалы, Бакай,
Ты владыка бывалый, Бакай,
Вся земля присягала тебе,
Но пора настала тебе —
От власти себя облегчить,
Алмамбету хандык вручить.
Вздумал великий Манас
Власти тебя, дед наш, лишить
И велел нам тебя сейчас
По-хорошему об этом просить.
И за то, что я, дерзкий, с тобой
Так осмеливаюсь говорить,
Нас по-зверски вели уморить;
Аджибай, твой почтительный внук,
Не уйдет от мстительных рук...»

Гонец Аджибай умолк,
Голову склонил он свою,
Горестно ее уронил,
Голос ему изменил.
Зычно дед твой захохотал,
Заливаться хохотом стал:
«С той поры, как Бакаем я стал,
Как судьбой ласкаем я стал,
Страха передо мной никто,

Кроме врагов, не питал.
Добрых дел я немало свершил,
Долго в благоденствии жил,
Доверяли не раз мне хандык —
Вырос ли от этого клык,
Бивень у меня хоть один?
Жаден ли ваш Бакай-старина?
Голова его умудрена,
Крошечней просяного зерна
Нет корысти в его душе».

Подав Бакай нукерам* знак,
Появился нукер Джайнак,
Принесен был к деду сундук —
Претяжел он был, превелик.
Приблизились к сундуку тому
Беки, обученные письму,
Копаться они стали в нем —
Грамоты пребывали в нем.
Грамотный молда* Каталбек
Письмо то самое взял,
В котором Бакая навек
Властью Манас наделял.
И сказал Бакай: «Не взыщу,
Искренне Манасу прошу,
Письмо ему возвращу».
Перо он чернильное взял,
Отречение свое подписал,
Печатью его скрепил,
Алмамбету власть уступил,
Аджибаю и Сереку сказал:
«Возвращайтесь через реку, сказал,
Вот вам два чопкута, сказал,
Важен мир, а не смута, сказал,
Вот и кони в придачу вам,
Не подсуну я клячу вам,
Вот Манасу конь от меня,
Крепкого я выбрал коня,
Конь тот из Казбаира, сказал,
Я исполнен мира», сказал.

Милостям нечаянным подивясь,
Со щедрым хозяином распротясь,
Грамоту его захватив,
Гривастых коней укротив,
Громко радовались гонцы,
Обратно поворотив
К шатру на взгорье крутом,
Под червонным Львиным шестом.

Завидев двух вестовых
И их коней пятерых,
Джигиты, которым их
Уже надоело ждать,
Стали меж собой рассуждать,
Стараясь предугадать,
С чем скачут сверстники их:
«Упирается, вероятно, он,
Старый этот скаред Бакай.
Нас еще помытарит Бакай,
У себя пошарит Бакай,
Всех коней разбазарит своих,
Только прав не подарит своих.
За главенство свое, за хандык
Цепляется этот стойкий старик,
Откупается тройкой старик —
Предназначив Канкору коня,
Приятного взору коня,
Алмамбету второго послав,
Аджибая третьим взыскав.
Не почтил он Серека конем,
Отпустил его порожнем.
Ох, и зол, надо думать, Серек...»

Так дурили, калякая у шатра,
Измышляя всякое у шатра;
Копья стражников у шатров
Качались от зояшных слов.
Но Манас их слушать не стал —
Прикрикнул на сплетников он,
Выгнал бездельников он.

Пряча улыбку в усах,
Прочитал он правду в глазах
Приехавших слуг своих.

«Трех коней, трех подруг своих,
Отреченья из рук своих
Не пожалел аксакал!» —
Так, входя, Аджибай сказал.
«Просьбе вняв, не перечил он,
Нас не бил, не калечил он,
Прочный Алмамбету хандык
Грамотой обеспечил он.
Глупости тут болтали, вздор —
Хорошо, что ты дал отпор
Клеветникам, Канкор!»

Грамоту властителю Аджибай
С этими словами вручил.
Тот на землю ее положил
И позвать Алмамбета велел.
Разливавший чай Бозуул
Руку к грамоте протянул,
Вверх ногами ее повернул,
Стал он, неуч, письмо читать,
По складам его разбирать.
Вместо «бэ» он «тэ» говорил,
Вместо «тэ» он «сэ» говорил —
Были тщетны его труды,
И спросил он у Абдильды:
«Кто это с письмом так мудрил,
Клякс в нем наворотил,
Каракулями засорил?»

И сказал Аджибай шутя:
«Старайся, мое дитя!
Строчку за строчкой плетя,
Глазами письмо колупай,
Смысл его сам раскопай!»
Шумно рассмеялись чоро,

Шуткой им угодил Аджибай.
Разобиделся Бозуул,
Губы он с досады надул.

* * *

Когда наступил рассвет,
Взял свое ружье Алмамбет,
Взгрохотал Алма-башем* он,
Всех вокруг ошарашил он.

Он-баши* кричали: «Живей!»
Всадники седлали коней,
В суматохе сшибались они,
Всяческой было много возни,
Стукалась о голову голова.
«Сотня моя, поспеши!» —
Покрикивали джюз-баши*.
«Тысяча моя, не реди!
Знамя мое, шурши!» —
Понукая своих людей,
Приказывали мын-баши*.
На Курдай людей повели,
Их на Коль-камыш повели;
Через горы перевалив,
Одолели разлив Или;
За речным обрывом — обрыв;
Торопись! Отстал — догоняй!
Разносил свой медный призыв
По горам походный сурнай.

Где круг кончался земной,
Где в небо путь уходил,
Там виденья жестокий зной
Невиданные чертил.
Вот уже Дархан позади.
Алмамбету не нужен крюк:
Через бычий Калканский брод,
В Джюгенташ он, на Джюгюрюк,
В черноту Джуюрминских болот,
Вел свой пестрый народ.

И вот река потекла —
Иртыш, где полночь светла,
И уже на том берегу
Грозил Алмамбет врагу,
Переплывший через Иртыш,
И уже на той стороне,
Смелостью преисполнясь вдвойне,
Смыкались тюмени его.

День ото дня храбрей,
Тысячи, одна за другой,
Двигались, истребляя зверей,
Силы не испытанных людской.
Как бы ни был могуч
Обитатель долин и круч,
Слон или носорог,
Он спастись от войска не мог.
Шли тюмени, добычу деля,
Кафирам* гибель суля,
Убеждаясь в том, что земля
Обширна со всех сторон.
Шли уже сорок дней,
Не было похода трудней.

11

Тазвекка

±

Перевод
СЕМЕНА ЛИПКИНА

⦿

Приготовление к разведке

После долгого и трудного пути войска Манаса остановились на зимовку. С наступлением весны воинов начинает тяготить длительное бездействие. Алмамбет объявляет проверку дружин. В десятке Таз-Баймата нехватает одного бойца. Этот боец оказывается Манасом, о котором забыли при проверке. Манас поручает Алмамбету отправиться на разведку в Бейджин и предлагает ему выбрать коня. Алмамбет выбирает коня и с молодым батыром Сыргаком отправляется на разведку.

Горной рекой скатились снега,
Черной травой покрылись луга.
Начали сытые кони жиреть,
Стали на пастбищном лоне жиреть.
Выстрелов не было страшных давно,
Не было и рукопашных давно,
Охватила скука людей,
Не стрелявших из лука людей,
В бой не бросавшихся смело давно,
Скука их поедом ела давно.
Люди шумели: «Сошли снега,
Знойные зазеленели луга,
Почему ж не идем на врага?»
Пробило время весны давно,
Отоспали все сны давно,
Между бойцами споры идут,
Про Бейджин разговоры идут.
Шепчутся между собою бойцы,
Рвутся давно уже к бою бойцы,
Пышный мерещится им Бейджин...

Золотокосый твой исполин,
Воинов наблюдал Алмамбет,
Речи их на ус мотал Алмамбет.
Вот однажды созвал Алмамбет
Военачальников главных к себе.

«Надо проверить, — сказал Алмамбет, —
К трудной готовы ли мы борьбе,
Тысяцким повелеваю сейчас,
Сотским, десятским даю приказ:
Без промедленья проверить сейчас,
Все ли воины в сборе у нас.
Буду всех пересчитывать я,
Буду строго допытывать я,
Если хотя б одного бойца
Досчитаться не сможете вы —
Мертвых собой умножите вы!
Неурядицы не потерплю.

Невзирая на сан, истреблю.
Будь он боец или хан, изрублю!» —

Так суровый сказал исполин
Алмамбет, Азиз-хана сын:
Знал он, как трудно взять Бейджин!

Разволновались племен вожди,
Рассуждали: «Того и жди,
Потеряется воин один —
Обезглавит нас господин!»

Началась проверка дружин.
Кликал десятский десяток свой,
Сотский сотню свою приводил,
Тысяцкий с тысячей проходил
Перед Алмамбетом твоим.
С целым племенем бек проходил
Перед Алмамбетом твоим.
Проверял их по книгам своим
Многоопытный твой ойон*,
Воинов пересчитывал он.
Полностью оказались здесь
Полчища киргизских бойцов,
Сотни тысяч храбрецов
Перед взором Алматы прошли,
Шумных тюменей тьмы прошли.

Возрадовалась душа вождя,
Возликовал Алмамбет-хан,
Войско в сохранности найдя.
Весь он проверил киргизский стан,
Лишь не проверил Манасов отряд.
«Кто в нем десятский, храбрецы?» —
«Таз-Баймат», — бойцы говорят.
«Пусть немедля Таз-Баймат
Приведет ко мне свой отряд.
Всех приведет десятерых,
Очи мои да увидят их!»

Алмамбетов заслышав приказ,
Поскакал к нему, торопясь,
С девятью храбрецами Баймат.
Видит Алмамбет: у него
Недостает бойца одного.
«Вижу, десяток расстроен твой,
Где же десятый воин твой?
Как понять бесчинство твое?
Богпротивно свинство твое!
Дай о десятом бойце отчет!»
Страшный гнев обуял Алму*,
Таз-Баймат отвечал ему:

«В Караготе, не так давно,
Было мне девять бойцов дано.
С ними всегда ходил я в бой,
В целости их привел за собой.
Вся пришла дружина сюда.
Если ж из Бейджина сюда
Прибыл ты на погибель мою —
Так вот я перед тобою стою!»

Стал поучать Алмамбет его,
Стал упрекать Алмамбет его.
«Тридцать тюменей киргизских бойцов,
Необозримые тьмы храбрецов,
Леопарды — по смелости все, —
Почему же в целости все,
Кроме одного бойца,
Кроме твоего бойца?
Оказывается, нерадивый ты,
Воин ослушный и лживый ты!
Были понятны приказы мои,
Нелицеприятны приказы мои,
Их для тебя менять не хочу,
Отдаю тебя палачу!»

После гневных таких речей
Войско не в силах поднять очей.
Наготове шесть палачей,

Шесть над Байматом взнесли мечей.
Вот подошел к бойцу ходжа.
Вот, помолясь творцу, ходжа
Велит одежду с Баймата снять,
Чтобы кровью не запятнать.

Вдруг по рядам проносится шум:
Подымается с места Серек,
Прозванный так за быстрый ум:
«Эй, храбрецы, — говорит Серек, —
Может быть, в число бойцов
И повелитель Манас вошел?
Может быть, бедняга Баймат
Пред Алмамбетом не виноват:
Был в десяток засчитан Манас?
Список давайте проверим сейчас!»

Были складны Серека слова,
Умная у него голова.
Умело повел он речь тогда:
«Загляни-ка в списки, молда!»
Оказывается, когда
Список прочел ученый молда,
Был, действительно, Манас
В список Баймата занесен!

Расхохотались киргизы тогда.
Землю смех богатырский потряс.
Хохотал Сокрушитель Манас,
Хохотали ханы его,
Воины-великаны его.
Здесь обуяло веселье всех,
Полчищ оглушительный смех
Шел по рядам — за валом вал,
Камни из земли вырывал!

Крепко рассердился Манас:
«Как ты осмелился вдруг, Таз-Баймат,
Обо мне забыть, Таз-Баймат?
Чтоб тебя проклял дух, Таз-Баймат!

Мало тебя казнить, Таз-Баймат!
Оказывается, я —
Тобою забытый человек!
Жаль, что спас тебя Серек,
Жаль, что не запретил ему
Пред Алмой защищать тебя.
Следовало б четвертовать тебя!»

Долго еще смеялся хан,
Долго смеялся Манас-Арстан,
Телом всем сотрясался Манас,
Никогда не смеялся Манас,
Смеха смеющихся не понимал,
В смехе трясущихся не понимал
Глухо всегда говорящий Манас
Расхохотался батыр сейчас.
Смех его Таз-Баймата спас.

Вот к Манасу подходит Алма,
Речь такую заводит Алма:
«Мой Проливатель крови — Манас!
Войско твое наготове, Манас.
Рвутся к бою твои храбрецы.
Э, послушай, Арстан, меня.
Время настало, чтоб сесть на коня.
Кто же храбрейший твой исполин?
Кто на разведку пойдет в Бейджин?
Силы все военные здесь,
Все батыры почтенные здесь.
Все носители славных имен,
Все старейшины главных племен,
Все выдающиеся смельчаки,
Молодые и старики.
Кто же скажет из них: «Я пойду!
Против китайцев лихих я пойду!
Против бесчисленных дружин я пойду!
На разведку в Бейджин я пойду!»

Слушавшие эти слова
В удивленье, в восторг пришли.

Правильными их нашли,
Но родовитые эти львы,
Но именитые эти львы
Робко жались Алме в ответ,
Робко глядел на соседа сосед.
Если б оказался врагом
Какой-нибудь киргизский род,
Каждый пошел бы напролом.
Но страшил китайский народ,
Чин-Мачин, неверный насквозь!
Охотников среди них не нашлось.
Алмамбета зов их потряс.

Молвил тогда Манас в ответ:
«Мужество покажи, Алмамбет,
Отправляйся ты сам в Бейджин.
Равных тебе батыров нет:
Разумеешь лишь ты один
Разных китайских народов речь.
Разве сумеет другой батыр
Разузнать, что задумал кафир?
Если слово мое народ
Правильным и разумным найдет,
Алмамбет, отправляйся в поход!

Из батырского круга себе
В спутники выбери друга в борьбе.
Страх неведующего удалца,
Толпы преследующего удалца,
Смерть попирающего храбреца,
Сильного, знающего мудреца,
Непробиваема чья броня.

Если ты сядешь на коня,
Должен конь тулпаром быть,
Изрыгать изо рта огонь,
Чтоб не пришлось потом говорить:
«Дальше ступить не может конь!»
Вооружи свою мощь, исполин.
Нам нельзя посылать новичка:

Даже прославленного смельчака
Испугает проклятый Бейджин!
Ты на разведку пойдя, Алмамбет!»

Разве скажешь Манасу: нет!
Голову долу склонил Алмамбет,
Ехать в Бейджин порешил Алмамбет.
Стали разъезжаться тогда
Важно сидевшие господа,
Так уж заведено: всегда
Трусят важные господа!
Их уловку заметил Алма:
Разумом быстр и светел Алма!
С места поднялся твой исполин,
Взоры вперил в тюмени дружин.
Заговорил Азиз-хана сын:

«Слушай, Манас, что тебе скажу.
О товарище доложу,
Выбранном из народа мной.
Воин тяжелорукий он,
И чуждается скуки он,
Он — опора в борьбе, Манас,
Он — подобен тебе, Манас!
Имя ему Сыргак, бадыша*!»

Молвил: «Да будет так, бадыша, —
Пусть поедет с тобой Сыргак,
Удалой, молодой Сыргак».

В полном вооруженьи Сыргак,
В боевом снаряженьи Сыргак
Подошел к Алме твоему:
Полюбил он сразу Алму!

Заговорил Азиз-хана сын:
«Чтобы в безбожный пробраться Бейджин,
Выберите нам пару коней,
Сильных, подобных тулпару коней!»

Молвил Манас: «Без обмана, Алма,
Вороной Колхомана, Алма,
Разведчику заменит крыла.
Алмамбет, послушай меня:
Требуй себе вороного коня,
А не дадут — силой возьми!»

«Нет, не годится мне конь такой.
Нет, пора ему на покой.
Одряхлел уже вороной!
Нет, не хочу вороного коня,
Подыщи мне другого коня!»

«Так возьми ты гнедого коня!
У Токотоя — гнедого коня,
Миром не даст — силой возьми!»

«Нет, послушай меня, Манас,
Восхваляю я коня сейчас.
Если в далекий пойти поход,
Он батыра не подведет,
По крутизнам летя, как стрела,
Не сбросит всадника из седла.
По перевалам сыпучим летя,
В гору, навстречу тучам летя,
Никогда не скинет тебя,
Наземь не опрокинет тебя!
Высок его спины подъем.
Истинной мудрости много в нем.
Сорок дней скачи на нем,
По долинам бесплодным скачи,
По равнинам безводным скачи,
И в снаряженьи скачи на нем,
Сквозь удушливую вонь
Дымных сражений скачи на нем, —
Жаждой томиться не будет конь,
Копыта не треснут у него!
Шестимесячной ездой
Не истомить такого коня,
Не истощить такого коня!

В кулак величиной у него
На конце желудка жир¹,
Настоящий карабаир!
Все повадки его умы:
Еслипустишь его в табуны,
Если сделаешь вожаком, —
Не поведет неверным путем
Угнанные табуны.
Это — вихрем летающий конь,
Это — хитрости знающий конь,
Врагам не попадающий в плен,
И зовут его — Карт-курен!
Выпроси мне дорогого коня!
Если не дашь мне такого коня,
Грусть никогда не покинет меня!»

Так сказал хан Алмамбет.
Оказалось что Карт-курен —
Конь, которому равных нет!
Конь Аджибая Карт-курен
Незаметным был конем,
Мало кто слышал о нем.
Хан Алмамбет просьбой своей
Поразил киргизских людей.
Удивленья слышался гул.

Крикнул твой Сокрушитель Манас:
«Ирчи-ул и Бозу-ул!
На коней садитесь быстрее!
К Аджибаю мчитесь быстрее!
Так скажите ему, послы:
«Уважаемый Аджибай,
От Манаса тебе привет.
Захотел батыр Алмамбет
На твоём Карт-курене сидеть,
Мощью Карт-курена владеть.

¹ «На конце желудка жир» — народное киргизское выражение, определяющее силу и выносливость коня.

Если Манасовым словам
Цену ты придаешь, Аджибай,
То коня приведешь, Аджибай,
К Алмамбету моему.
Многим обязаны мы ему —
Без него бы киргизский народ
На Китай не пошел бы в поход!»

Оседлали коней гонцы,
Поскакали быстрее гонцы,
Прибыли в стан Аджибая они,
Головы долу склоняя, они,
Как и подобает послам,
Прежде всего сказали: «Салам!»
Потом о здоровьи спросили они,
Но раньше чем заговорили они,
Догадался хан Аджибай,
С чем они прибыли сюда.

«Ну, — сказал им хан Аджибай, —
С чем же вы прибыли сюда?» —
«Слушай, — заговорили послы. —
Дни твои да пребудут светлы.
Оказывается, ты
Особенным владеешь конем,
И зовут Карт-куреном его.
Мало кто слышал о нем,
Считали обыкновенным его,
Оказался твой Карт-курен
Сыном Каипа* самого, —
Мы же не замечали его!
Похвалой твоему коню
Поразил нас Алмамбет:
Равного, мол, Курену нет!
Хочет на нем Азиз-хана сын
Отправиться на разведку в Бейджин.
«Если, — сказал бадыша Манас, —
Аджибай уважает нас,
Пусть отдаст Курена теперь
Алмамбету хан Аджибай!»

Усмехнулся хан Аджибай.
Величиною с целую дверь
Заблестели во рту резцы.
Утешили его гонцы.
Залился смехом Аджибай:
«Что ж, даже ханы просят у нас!
Если просит такой, как Манас,
Как великий вовек Алмамбет,
Если просит бек Алмамбет,
Стану ль коня для него жалеть?
Честь великая для коня,
Честь большая и для меня,
Что Алмамбет им хочет владеть!
Ладно, послы, да будет так.
Карт-курену цена — кизяк!
Пусть лишится хозяина он!
Если же нечаянно он
Попадет язычникам в плен,
Пусть пропадает мой Карт-курен!
Вручаю с радостью вам его,
Даже с уздечкой отдам его!
Даже на тот свет перейдя,
Не подам Алмамбету счет
Даже и на кобылий помет!

За то, что не случайно Алма
Карт-курена тайну раскрыл,
За то, что понял цену он
Карт-курену моему,
За то, что правду сказал бадыше,
За то, что пришелся Курен по душе —
В жертву готов принести для него
Не только коня, но себя самого!
Почести да воздадут бегунцу!
Конь да будет равен бойцу!
Может батыра только батыр
Оценить: так устроен мир!»

Хан Аджибай, уздечкой звеня,
Недоуздок надел на коня,

Карт-курена вручил гонцам.
Обрадовал весьма гонцов:
Сокол Курен среди бегунцов!
Это завидный, поджарый конь!
Оленевидный и ярый конь!

Поскакали к Манасу гонцы.
Прямо подвели молодцы
К Алмамбету бегунца.
Возрадовался твой Алмамбет.
Возблагодарил он творца.

В синее железо одет,
Был Рустему* подобен Алма,
Закованный в железо, как в лед.
Алмамбета верный оплот,
Был Рустему подобен Сыргак.

Оба к разведке готовились так:
Опуская вежды свои,
Помолились перед творцом.
Облачились в одежды свои,
Непробиваемые копьем.
Наконец, в доспехах стальных,
Оседлав тулпаров своих,
Благословенье народа приняв,
Поскакали батыры в Китай,
На разведку в языческий край.

Встреча с лисой и архаром

Разведчиков окружают чудовища. Сыргак начинает подозревать Алмамбета в измене. С помощью джяя* Алмамбет рассеивает чудовищ. Разведчики убивают лису Калтар — верного часового Бейджина. Алмамбет превращается в китайского хана Конурбая, Сарала — в Алгару, коня Конурбая. Вслед за лисой гибнет другой страж Бейджина — архар, одуроченный разведчиками.

По недоступным уступам скал,
С перевала на перевал,
Где ни капли воды на пути,
Ни щепотки травы не найти,
Где пернатых не видит взор
На зубчатых отрогах гор,
Где жара не спадает вовек,
Вдоль по руслам высохших рек,
По пескам пустынных равнин —
Алмамбет, Азиз-хана сын,
С молодым Сыргакком вдвоем
Издавна знакомым путем
Мчались вперед, не щадя коней,
Без остановки много дней.

Шла пустыня за кругом круг,
И пред ними предстали вдруг:
Змеем вьющаяся тропа,
Не пройдет по ней и дракон,
Крутизны неслыханной склон,
Камни в дырах, как черепа,
Низменное степное дно —
Там лишь эхо живет одно.

Видят: слева стрелки стоят,
Целятся, суровые, в них.
Справа гибель драконы таят,
Проглотить готовые их.
Повернули глаза назад —
Из-за каменистых засад
Барсы их разорвать грозят.

И Сыргак подумал тогда:
«Не завлек ли меня сюда
Алмамбет, батыров гроза,
Чтобы выколоть мне глаза?
На разведку будто бы мчась,
И драконам, и змеям сейчас
Не отдаст ли меня Алмамбет?
Все равно спасения нет,

Если предал меня Алмамбет...
Если вздохом притянет дракон —
Нападу на него, разъярен.
Тигр протянет лапу свою —
Тигра смерти я подарю.
На коне своем наскочу —
Замыслы разрушу Алмы.
Я к предателю подскачу —
Смерти брошу душу Алмы!»

Опоясанный булатом Сыргак,
На коне своем крылатом Сыргак
Встал над желтым скатом тогда.
Алмамбетов шел там скакун,
По пескам по желтым ступал.
Быстрый был, как дьявол, Сыргак.
И коня заставил Сыргак
Посреди дороги привстать,
Сарале на ноги привстать.

Но великий был ойон Алма,
Посмотрите, как умен Алма!
Он в лицо Сыргаку взглянул,
Понял, что замыслил Сыргак.
И тогда подумал он так:
«Вдруг заметит нас караул —
Он китайцам скажет о нас.
Э, меня погубит Сыргак —
Выскочат китайцы сейчас».

Пороха полный мешок
С яростным гневом вынул Алма.
Пороха полный мешок
В свой Алма-баш закинул Алма.
По седлу да сгоряча
Плетью начал он бить с плеча,
По-калмыцки лопоча,
По-китайски бормоча,
Произнес заклинанье — джай.

Услыхав заклинанье-джай,
Разбежались тигры огневые тут,
Разбежались в страхе часовые тут,
Разбежались драконы по горам,
Разбежались барсы по лесам.

Чуде_ам таким поразился Сыргак,
В удила Саралы вцепился Сыргак.
«Правду мне расскажи, Алаке.
На каком колдовал языке?
Ты сотворил удивительный сон —
Никому б не приснился он.
Чудовища захватили б нас —
Чудо ты сотворил сейчас.
Тайну свою ты мне открой.
Не откроешь — за тобой
Не последую в Бейджин,
За победою — в Бейджин!»

Отвечал Алмамбет ему так:
«Слушай, мой благородный Сыргак,
Выбрал жребий тяжелый я...
Когда короткополые
Китайцев носил я рубахи, Сыргак,
Когда владел полумиром я,
Держал народы в страхе, Сыргак,
Неисчислимым кафирам я,
Ползающим во прахе, Сыргак,
Когда могучим курганом был,
Когда я полуханом был, —
В те времена Гиена* Манас,
Твой батыр несравненный, Манас,
В список был сокровенный внесен.
Сказано было: разрушит он
Тысячеглавый, богатый Бейджин!
Только узнали по спискам в стране
Об этом хане киргизском, — в стране
Тысячи женщин и мужчин
Горькими стали слезами рыдать,
Стала сорокаханная знать —

Эта камнями венчанная знать¹ —
Целыми днями тогда голодать!

Еще я не знал в душе моей
О том, что стать правоверным готов.
К джинам и пери послав людей,
У джинов и пери, из их городов,
Выписал я шестьдесят колдунов.
Гору золота целую
Выдал я колдунам тотчас.
Думал: «Если так сделаю,
Не приедет в Бейджин Манас».
Думал: «Если так сделаю,
Не увидит Бейджина Манас».
Заставил с помощью колдунов
Тигров, барсов и кабанов
Стоять караульными на часах
На дорогах, в горах и лесах.

Как разогнать я сумел теперь
Чудовищ заговоренных — видел?
Тайну истинную, поверь,
Я открою тебе теперь.
Людей на высоких тронах — видел?
Стены толстые крепостей,
Из золота возведенных, — видел?
Разных бог создает людей,
Несчастнейших влюбленных — видел?
Бурулчу, Эсен-хана дочь, —
День для нее теперь, как ночь, —
В муках, в рыданьях, в столах — видел?
Вспоминая свою Бурулчу,
Как в пустыне дни я влачу
Средь песков раскаленных — видел?
Распустила, может быть,
Рубашку в этом году Бурулча².

¹ Речь идет об украшениях на головных уборах китайской знати.

² То есть считает себя свободной и ищет мужа.

Разлюбила, может быть,
Боясь, что к ней не приду, Бурулча.
Она ведь не Эсен-хана дитя,
Ангелом был у нее отец.
Звал отцом я Азиза хотя,
Ангелом был у меня отец.
Оставляя Бейджин, поскорей
Обещал я вернуться к ней,
Тоскует она в Бейджине.
Возвратился потом в Бейджин
И к вам пустился, как верный сын,
Не видел ее в Бейджине.
Медленным дням веду я счет,
Мне помощник — овечий помет¹,
Душа моя вся — в Бейджине.
Проклята будь навеки любовь!
Прокляты будьте вновь и вновь
Кафиры в безбожном Бейджине.
Только вспомню я Бурулчу —
Жить на свете я не хочу,
Все мысли мои о Бейджине.
Когда с Бейджином прощался я,
С китайцами сражался я
И всех победил в Бейджине.
Пробил час и проводам моим.
Обвязавшись поводом моим,
Задержала коня Бурулча.
Умоляла меня Бурулча
Поскорей появиться в Бейджине.

Из Бейджина слышал я весть:
Конурбай, чьих сокровищ не счесть,
Ханств имеет он целых шесть,
Оказал Эсен-хану честь —
Ханов прислал и велел зачесть:
«Я прошу, чтоб моей женой

¹ Счет при помощи овечьего помета был широко распространен среди пастухов киргизов. Это был своеобразный календарь для подсчета дней.

Стала прекрасная Бурулча.
Надень с разорванной полой
Платье атласное, Бурулча».

Отвечала речью такой,
Слышал я, властная Бурулча:
«Нет, мочащемся только стоя, знай,
Чьи рукава с вершок длиною, знай,
Необрезанному ни за что я, знай,
Никогда не стану женою, знай!
Не только быть за таким я стыжусь —
Над ним я даже не помочусь...»
Оскорбились ханов шесть,
Конурбай затаил месть,
Бурулча тоскует в Бейджине».

Ясный сокол — Сыргак молодой,
Яркий видит Бейджин пред собой,
Яростью запылал боевой,
Явно хочет он ринуться в бой,
И Алмамбету лев Сыргак
Сказал, Бурулчу пожалев, так:
«Если правдивы твои слова,
Дай мне шубу свою сперва¹,
Кок-чебича направлю потом
К железным воротам Бейджина.
Плакать китайцев заставлю потом,
Выгоню всех из Бейджина.
Потопа не знали в Бейджине том —
Сделаю ад из Бейджина.
Эсен-хана дочь, Бурулчу,
У китайцев я получу.
За руки крепко ее схвачу,
На круп коня ее подхвачу
И к тебе скорее помчу».

Задрожал Алмамбет удалой,
Как пронзенный внезапной стрелой:

¹ В оригинале: «Уступи мне свою шубу»,
то есть вооружи меня как следует, при-
готовь к бою.

«Побереги, Сыргак, свою прыть,
Полно глупости говорить.
Огромная вершина видна,
Разве простой хребет она,
Который перевалить легко?
Китайский народ за хребтом живет, —
Это разве такой народ,
Который победить легко?
У него земля — опора его,
У него хребет — защита его,
У него лиса на часах,
Утка переплывает плеса,
У него караулит леса
Умный архар, чьи рога в небесах!
Красным-красна лиса Калтар,
У нее особый дар:
За шесть дней заметит вперед
Того, кто вдали к Бейджину бредет.
Если словим лису, изловчась,
Добро китайцев достанется нам.
Если упустим ее сейчас, —
Вспять убежать останется нам!

Знамя мое! Продолжай свой путь,
Не сердись и спокоен будь.
Если я замечу лису,
Погнав тебе навстречу лису,
Я тебя, Сыргак, позову,
Не дремли, Сыргак, наяву —
Ни на минуту, краса людей,
Ты не клади на землю локтей.
Если к неверным лиса попадет,
Встрепенется китайский народ.
Казна его для нас пропадет...»

Так говорил Алмамбет удалой,
Обняв Сыргака одной рукой,
Руку ему пожимая другой.
«С места не тронься, товарищ мой!» —

Крикнул он, Саралу гоня —
Верного своего коня.

На предгорья град густой
Напустил он вихревой,
Свет полдневный сделал он тьмой,
Лето сделал он зимой,
И зловонною пеленой
Он покрыл простор степной.
Он калмыков, день-денской
Стерегущих Китая покой,
Сдунул бурею снеговой.

А лисица на горе
Притаилась в своей норе.
Видит град и стужу она,
Выйти боится наружу она...
И лиса гадала, хитра:
«Почему подули ветра?
Вместо полдня сделалась тьма?
Вместо лета настала зима?
Это — знаю я про него —
Алмамбетово колдовство!
Хитрость лисью не обмануть.
Рысью, рысью помчусь я в путь!
Расскажу сорока жрецам,
Окружившим каменный трон,
Что пришел Алмамбет к нам,
Что грозит нам гибелью он»

И лиса единым прыжком
Очутилась на месте том,
Где стоял караул за хребтом.
Не осталось в мире угла,
Где бы носом не повела.
Увидала она издали,
Как разрыхлено лоно земли,
А на выступе, на хребте,
Ухитрилась она в темноте
Трех тулпаров следы прочесть.

Значит — здесь разведчики есть!
Этот год — самый страшный год:
Он смятенье Бейджину несет!..

Побежала она быстрей
Средь колючих горных камней,
Но следил Алмамбет за ней.
Он держал наготове ружье,
Он прицелился в морду ее,
Но пробил ей ногу свинец.
Чует хитрая: здесь ей конец.
Где, проклятая, силы взяла?
Понеслась вперед, как стрела,
Даром, что на трех ногах,
Словно молния, мчалась впотьмах.

Вдруг появился герой Сыргак,
Мысли быстрей примчался он.
Полетел за лисой Сыргак,
С косулей состязался он,
Но пыль Калтар взвила горой,
Чтоб с пылью той смешался он!

Силы собрала свои лиса
И побежала в свои леса,
Но воззвал Сыргак к небесам,
Поскакал Сыргак по лесам,
И к лисице добрался он!
Только юркнуть хотела в нору —
Показался Сыргак на юру.
Пикою пронзил ей бок,
Вывалился шерсти клоч,
Надвое переломился хребет,

Обрадовался Алмамбет.
Прискакал — неверных гроза,
На ресницах блестит слеза.

Вдруг заметил он груду камней,
Груды частых камней, а в ней,
Как верблюды, разлегся мешок,

Кожаный Конурбая мешок.
Алмамбет и Сыргак вдвоем
Распороли мешок и в нем
Видят особенную шубу.
Если б сюда Конурбай заглянул,
Чтобы проверить свой караул,
На себя тогда б натянул
Эту особенную шубу...

Обрадованный несказанно тогда,
Обещая Коросану барана тогда,
Обещая Бабедину¹ барана тогда,
Пополам разрубая мешок,
Кожаный Конурбая мешок,
Что подобно верблюду лег,
Алмамбет, наконец, извлек
Эту особенную шубу.
Шубу надел на себя — и что ж?
Стал Алма на себя не похож,
Чуден, неузнаваем он:
Сделался Конурбаем он!
Видом поражает своим:
Золото блеском мигает своим,
На макушке блестит как раз
Величиною с кувшин алмаз!
Важный такой и строгий он,
Тучный, широкосапогий* он.
Смотришь и шепчешь в конце концов:
Это — истинный хан жрецов
Конурбай, обмана здесь нет,
Так на него похож Алмамбет!
Забавляется он табаком,
Трубкою с золотым чубуком,
Вьется дым вокруг голубой,
Видно сразу: перед тобой
Встал Калча*, громадный, как дом.
Наимудрейшая Каныкей,
Наихитрейшая Каныкей

¹ Коросан и Бабедин — имена мусульманских святых.

На память курджун подарила Алме,
Попону в курджун положила Алме, —
Знаменита попона та,
Шелком расшита попона та,
Шерстью подбита попона та!

И Каныкей сказала: «Герой!
Этой попоной коня покрой —
С Конурбаевым Алгарой,
С Конурбаевым конем
Станет схож твой конь во всем!»!

Развязал свой курджун Алма,
Разобрал попону потом,
Расседлал Саралу Алма,
Разостлал попону на нем.
Что же стало с его конем,
С желтополосым его Саралой?
Конурбаевым стал он конем,
Конурбаевым Алгарой!

Умный архар, чьи рога в небесах,
День и ночь стоит на часах.
Помнит об этом Алмамбет;
Но мы твердо знаем теперь:
Стал он Конурбаем теперь,
Вот каков твой Алмамбет!
Хитрая побеждена лиса,
Прогнаны драконы в леса,
Вот каков твой Алмамбет!
Разогнал он караул,
Он калмыков бурей сдул,
Вот каков твой Алмамбет!
Тигры прячутся в горах,
Барсы крадутся впотьмах,
Утка плещется в плесах —
Лишь архар стоит на часах,
И сказал ему Алмамбет:
«Я поставил на страже тебя,
И обидел я даже тебя,

Понимаешь, умный архар?
Я поставил тебя на путях,
Долго ты стоишь на часах.
Охраняешь, умный архар?
Чувствую грех пред тобой, самец,
Истомил я тебя вконец:
Не пускал тебя к самкам я.
Но теперь сберегу я честь:
У Кары-хана выберу шесть!
И пушу тебя к самкам я!
Может, получишь отцовства дар,
Дашь потомство, умный архар!»

Слышит сказку эту архар,
Спрыгнул к Алмамбету архар,
За Калчу принимая, спешит,
«Узнаю Конурбая», — кричит.
Сумел заманить архара Алма,
И Черноколпачная* кайма,
Войска киргизского краса—
Сыргак, сокровищница ума,
Выстрелил архару в бок:
Вывалился шерсти клок,
Замертво на камни лег
Круторогий умный архар.

Освеживали архара потом
И поскакали пустынным путем.
Ни себя не щадя, ни коней,
Ехали много, много дней
По теснинам, где места даже
Для собаки худой не было,
По равнинам, где взгорья даже
С бабку величиной не было,
По долинам, где впадин даже
И в ладонь глубиной не было,
По пустыням, где влаги даже
Для букашки одной не было.
Истомился от зноя прах,
Извивается путь в горах.

Бой с одноглазым Малгуном

Сорок жрецов, караулящих Бейджин, погибают, поддавшись хитрости Алмамбета, переодетого Конурбаем. Одноглазый великан Малгун, зная, что Конурбай находится в Бейджине, вступает с разведчиками в бой. Несмотря на то, что Сыргак лишает Малгуна его единственного глаза и убивает его прославленного мула, Малгун продолжает борьбу. Сыргак сбивает с головы великана чудесный шлем, и Малгун терпит поражение.

«Вот, — Сыргаку сказал Алмамбет, —
Возвышается там хребет.
Там тропинка бежит: на ней
Места нет и для двух коней...
Неудача постигла меня —
Запоздали мы на два дня,
А проехать нам надо шесть,
Чтобы встретиться с грозным Малгуном.
Всех достоинств его не счесть:
Подобны грому его слова,
Подобна дому его булава,
Подобна взгорью его голова,
В каждом пальце его — чугун, —
Вот каков исполин Малгун!
Каменный трон — сиденье его,
Сорок жрецов — окружение его, —
Силу большую в себе таят.
Сорок жрецов на страже стоят
Перед Великим Малгуном.
В книгах китайских сумел я прочесть:
Мул у Малгуна особенный есть,
Великий мул, над мулами царь,
Ни одна еще в мире тварь
Обогнать его не смогла
И догнать его не смогла.
Если на мула сядет Малгун —
Непобедимым станет Малгун.
Спросишь: каков исполин Малгун?
Хранит он Малый Бейджин — Малгун!
Подобны грому его слова,
Подобна взгорью его голова,
Точка на каменном лбу видна,
С бочкой многоведерной сходна,
В бочке мигает его зрачок:
Великан Малгун одноок...

Крепко слушай мои слова,
Будет речь моя такова:
Видишь издали горный уступ?
Великана там караул.

Видишь — вырос на склоне дуб?
К дубу крепко привязан мул.
Только крикну тебе «Манас!»,
К мулу ты подбеги тотчас,
Голову отсеки ему!»

Превосходный воин Сыргак,
Приготовился к бою Сыргак.
Предкам своим помолился он,
Трудной тропой пустился он —
Направил пику на силача.
Разгорались глаза его,
Расширялись глаза его,
Он метался без Алаке,
Дожидался он Алаке,
Чтоб раздался крик Алаке,
Чтобы к мулу кинуться смог,
Чтобы мула свалил он с ног,
Голой рукой он убил бы его,
Голову бы отрубил у него...

Вот над холмом показался Алма.
Словно гора возвышался Алма.
Важный такой и строгий он,
Ватнокушачный*, широкошапгий он,
Кажется он самим Калчой,
Кажется он большим Калчой!
Трубку, в печь величиной,
Вынул он из-за кушака.
Всунул в трубку всей пятерней
Шесть кисетов табака,
Трубка до того глубока,
Что не видно в ней табака!
И движеньем спесивым вдруг
Он китайским огнивом вдруг
Чиркнул о кремень слегка:
В трубке сразу костер большой
Появился сам собой,
Полыхает издалека!

Как затынется он дымком —
Трубка грозным заржет конем!
Выпустит из трубки дым —
Дым столбом взойдет над ним!

Издали замечая его,
За Калчу принимая его,
Конурбаем считая его,
Сторожа Китая его, —
Поднялись жрецы, крича:
«К нам — глядите — приехал Калча!»
Конурбай великий сам
Приближается тут к жрецам.

Помутились жрецов умы,
Всех смутил их облик Алмы,
Ставшего Конурбаем.
Древен Конурбая род,
От хакана род ведет,
Названный Конурбаем.
Если крикнет на часовых —
В пятки душа уходит у них,
Дрожат перед Конурбаем!
Сорока жрецам своим
Крикнул он голосом громовым:

«Слушайте-ка, сорок жрецов!
Слушайте-ка грозный мой зов!
Я весь мир объехал кругом —
Не столкнулся близко с врагом!
И не страшен меч его нам,
И бояться нечего нам.
Земля моя — защита моя.
Гора моя — опора моя.
Живите, гибели не страшась:
В постели встретите смертный час.
У меня на хребте лиса,
Утка переплывает плеса,
У меня стоит на часах
Умный архар, чьи рога в небесах!

Если враг заберется в леса —
Утка переплывет плеса,
Перебежит хребет лиса,
Предупредит лиса Калтар,
Умный предупредит архар
Об опасности такой...

Но покуда везде покой,
Нам не страшно за крепостной
Укрепленной стеной!
Враг пойдет на нас войной —
Голод лишь найдет и зной,
И сухой простор степной.

Вы, жрецы, стережете мой трон,
Стережете со всех сторон,
А не знали вы женщин еще,
Не ласкали вы женщин еще!
Служите вы мне, жрецы мои,
Слушайте теперь, жрецы мои!
Весь Бейджин оповещу —
Жен для вас я понещу.
У бейджинского Кары-хана я,
У любезного Кары-хана я
Выпрошу сорок чистых девиц —
Вам, стоящим у границ,
Верным и мудрым моим жрецам
Тех девиц вручу я сам!
Вам девиц вручу я всех,
С вами обручу я всех!
А вдруг меня не уважит он,
И в просьбе моей откажет он,
С Кары-ханом из-за вас
Поведу я борьбу тотчас.
Страну его тогда разделю,
Смуту у него поселю,
Силою девиц захвачу,
С вами тех девиц обручу,
Каждому я подарю страну,
И в придачу я дам жену,

Каждый будет беком у меня,
Знатным человеком у меня!»

Услыхав такие слова,
Побросав секиры сперва,
Прибежали жрецы к нему.
К повелителю своему!
Слезы радостные у них,
Грезы сладостные у них.

Лишь Малгун остался вдали,
Подозренья в душу вползли.
Подобна взгорью его голова,
Подобно дому его булава,
Подобно грому кашляет он!
Был сюда Малгун привезен
Из города великанов.
Словно стены — плечи его,
Человечьей речи его
Обучало несколько ханов.
Поставили в карауле его,
Не пробивают пули его:
Панцырь железный на теле его,
В шубу стальную одели его!
Главный в карауле — Малгун,
Славный караульщик Малгун.
Явный беспорядок Малгун
Замечает в природе самой.

«Обернулось лето — зимой,
Свет полдневный сделался тьмой.
Буря — ни с того, ни с сего!
Это Алмамбета колдовство!
Это Алмамбета хитрый джай!
Ведь сорокаханый весь Китай
Знает, что пирует Конурбай
С остальными ханами в Бейджине.
Яствами навьючив слонов,
Множеством отборных плодов,
Он поехал пировать в Бейджино.

Лишь двенадцать дней прошло всего,
Как в Бейджин поехал Конурбай,
Перед нами просто колдовство,
Этот человек — не Конурбай,
Конурбаю время быть в Бейджине», —
Так подумал исполин Малгун,
Защищать решил Бейджин Малгун.

Взглядом окинул его Алма,
Славный вынул булат Алма.
Он слегка булатом поиграл
И жрецов с десятков наповал
Он играючи поубивал.
И опять булатом он взмахнул —
Поредел Малгуна караул:
Доброй половины нет как нет!
Выпрямился храбрый Алмамбет —
И не стало сорока жрецов!
Но Алма, храбрец из храбрецов,
Удержать уже себя не смог:
Великана хочет сбить он с ног.

Удержать не в силах себя,
Белыми зубами скрипя,
Взор взметая дикий вдруг,
С крашеною пикой вдруг
И с мечом он кинулся вдруг,
На Малгуна ринулся вдруг.
Одноглаз, но велик Малгун,
Алмамбета постиг Малгун:
К мулу бросился тотчас.

Издали слышит Сыргак: «Манас!»
К подвигам зовет его клич,
Он стремится мула достичь,
И тулпар его — Кок-чебич —
Разлетелся, быстрый, как весть.
«Не дам на мула Малгуну сесть!» —
Скачет с думой такой Сыргак,
Скачет горной тропой Сыргак.

Вот уже, наконец, уступ.
Возвышается старый дуб.
К дубу тому привязан мул.
Наркескеном* Сыргак взмахнул —
Головы лишился мул:
По камням, их касаясь едва,
Покатилась его голова.
Одноглаз, но велик Малгун.
Поднял неистовый крик Малгун:
«Крылья срубили у меня!
Мула убили у меня!»

И когда закричал исполин,
Обвалились камни вершин.
Заклокотал у Малгуна гнев,
Заскрежетал он, рассвирепев,
Загрохотал он злобно тогда:
«Заявились буруты* сюда!
Они сюда, незваны, пришли
Из своей поганой земли.
Изрублю бурутов без труда,
Истреблю бурутов навсегда!
Изловлю Алмамбета я,
Буду Кары-ханом самим
Награжден за это я!»

Так ревел он перед борьбой.
Сам он — с гору величиной,
Брюхо — шириною с дом:
Сто мужчин поместятся в нем.
Рот его — большая печь:
Может выдохом обжечь!

Напрягает силы Алма:
На правую лопатку его
Направляет, свирепый, копьё.
Но разбилось в щепы копьё.

От испуга заржал Сарала,
Под Алмой задрожал Сарала,

На передние ноги лег.
Он опомниться сразу не смог,
Не успел подняться, когда
Алмамбета постигла беда:
В хвост Саралы вцепился Малгун!
В халат Алмы вцепился Малгун!
Алмамбета волоча,
По-китайски бормоча,
Он взмахнул своей булавой
Над Алмамбетовой головой!

Видит Сыргак: погибает Алма!
Сходит Сыргак: от горя с ума,
Мыслей в мозгу теснится тьма...
Страшное время настало для нас!
Тяжкое бремя напало на нас!
Мыслимо ль, чтоб у меня на виду
Скатилась у Алаке голова?
Лучше я жертвой сейчас паду
За Алаке, за такого льва!»

Засвистел Сыргака бич,
И понесся конь Кок-чебич!
Изловчился юный Сыргак,
Наскочил на Малгуна Сыргак,
Бросился бесстрашно к нему,
Отцепил от него Алму
Вместе с верным его Саралой!

Разъяренный, могучий, злой,
То наскакивал на силача,
То отскакивал от силача!
Бьет — отважный, ярый — Малгуна:
Не страшат удары Малгуна!
Бьет секирой и мечом,
А язычнику — нипочем!
Бьется с одноглазым Сыргак,
Потерял он разум — Сыргак,
Очутился разом Сыргак
В лапах великого силача.

Нож над ним возносит Малгун,
Вот-вот в бездну бросит Малгун!

Тогда, как буря быстрый, Алма,
Меча глазами искры, Алма
Ткнул Малгуна в брюхо мечом,
Перерезал ухо ножом.
Тут выпустил Сыргака Малгун!
Вступил с Алмою в драку Малгун!

Соколом у гнездовья птенцов
Около разъяренных бойцов
Вьется молодой Сыргак.
Он взмолился к творцу самому:
«Меж людей ты выбрал Алму,
Героем невиданным сделал его,
Гиеной неслыханной сделал его...
Разве ты не видел меня?
Почему ж обидел меня?
Не сделал воином славным меня?
Малгуну не сделал ты равным меня?
Стану с Малгуном лицом к лицу,
Как приличествует храбрецу,
Буду с ним я биться сейчас,
Прицелюсь в единственный глаз,
Промаха не допущу я, свое
На великана направив копье!»

Точка на лбу Малгуна видна,
С бочкой многоведерной сходна,
И мигает в бочке зрачок:
Для него секира — сучок!

Вкруг Малгуна скачет Сыргак,
Не находит места никак,
Хочет он прицелиться в глаз.
Вот пред ним зеница зажглась,
Он ее нашел, наконец,
Он ее проколол, наконец!
Наконец, великан ослеп!
Завопил великан, свиреп.

Тьмой окутанный Малгун
Тропкой путаной бежит,
Черной тропой бежит,
Яростный, слепой, бежит,
Падает, встает опять
И пускается бежать,
Мчится, львами двумя гоним.
Алмамбет и Сыргак за ним,
Не отступая, летят вослед,
Но Малгуну погибели нет!
Не поранишь его мечом,
Даже пика ему нипочем,
Не пробьет секира его:
Не берет — кафира — его!
Даром, что теперь он слепец,
Не догонит его бегунец,
Молния не догонит его,
Булава не затронет его.
Пуля для Малгуна пустяк...

Знали Алмамбет и Сыргак
(Было ведомо то не всем),
Что у Малгуна особенный шлем;
Неуязвима его голова,
Нужно сбить с нее шлем сперва!

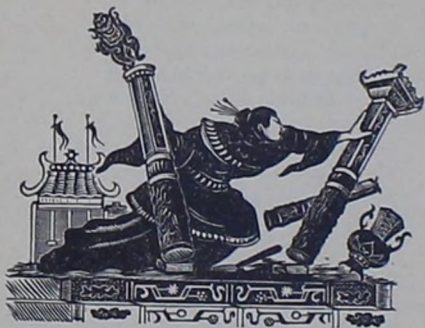
Нету в мире сильней его.
Шесть преследуют дней его
Молодой Сыргак с Алмой —
Не одолеют его никак!
Только начался день седьмой —
Бросился на него Сыргак,
Скинул шлем с его головы!
Тут воспрянули наши львы!
Вынул Алмамбет свой меч,
Наискось ударил врага,
Кровью залил его до плеч,
Голова скатилась врага!

Если голову снес он ему,
Если гибель принес он ему —

Мир таких не помнит побед, —
Значит, на свете героя нет,
Равного твоему Алмамбету!
Был непобедим Малгун,
Был неуязвим Малгун —
Победил его Алмамбет.
Значит, на свете героя нет,
Равного твоему Алмамбету!

Азиз-хана единственный сын
Землю разрыл, где стоит Бейджин, —
Имеется это место!
Алмамбет, звезда храбрецов,
Сорок уничтожил жрецов,
Превратил он Малгуна в прах,
Обезглавил его в горах —
Имеется это место!

Гибель великанши Канышай

Алмамбет убивает водоноса великанши Канышай и, переодевшись в его платье, проникает во дворец великанши, где в это время происходит пир. Пораженная красотой водоноса, Канышай влюбляется в него. Алмамбет отравляет пирующих страшным ядом. Канышай раздвигает стены дворца, думая спастись бегством. Разведчики настигают ее и убивают.

И сказал Азиз-хана сын:
«Спит спокойно сейчас Бейджин,
Подозрения не таит —
Караул на путях не стоит.
За два дня пустыню и лес
Мы проскачем наперерез
И увидим хребет Ит-Ольбес,
Подпирающий свод небес.
Перевалим хребет Ит-Ольбес —
Чудо мы найдем из чудес:
Женщину-великаншу.
Тут, гляди, Сыргак, не сплосай,
Надо нам убить Канышай —
Женщину-великаншу.
Только б не обесславиться с ней!
Хитростью нужно справиться с ней,
С женщиной-великаншей.
Если внушим сомнение ей,
Вызовем подозрение в ней,
В женщине-великанше,
Если не обманем ее —
Пленниками станем ее,
Женщины-великанши!

Сколько раз вам твердил Алмамбет:
Не такой у китайцев хребет,
Который перевалить легко.
За хребтом народ живет,
Это не такой народ,
Который победить легко!
У него скороходы есть,
За шесть дней доставят весть
Там, где нужно месяцев шесть!
Оценил я верно его:
Мощь неимоверна его!
Требует сил безмерных Бейджин,
Укреплен у неверных Бейджин!

Знай, Сыргак, железный каблан!
Не какой-нибудь Маргелан,

Не какая-нибудь Бухара,
Где немало казны и добра
Награбить можно без труда,
Истребив потом города, —
Нет, Сыргак, не таков Бейджин,
Защищен от врагов Бейджин,
И китайцы не таковы —
Не кызылбашцы* они, а львы!»

Так сказал Азиз-хана сын,
Этот могущественный исполин.
Вот помчался по склону он —
Стал подобен дракону он.
Он драконом крылатым стал,
Он шайтаном проклятым стал...
Был, оказывается, дракон
Покровителем Алаке!
Вот полетел по чашам он —
Стал кабланом рычащим он,
Мчится в лесах недоступных он!
В пятнах черных и крупных он
Выгнул оксамитовый стан...
Был, оказывается, каблан
Покровителем Алаке.
Мчится пустынею темной он —
Вот уж лев неумный он,
Хвост расправил красивый он,
Царственной чванится гривой он,
Львиным ревом исходит гнев...
Был, оказывается, лев
Покровителем Алаке!..

Всякое в этом рассказе найдешь,
Перепутаны правда и ложь,
Очень все это было давно,
Очевидцев нет все равно!
Нет свидетелей тех чудес,
Быль и небыль смешаны здесь,
Это рассказы древних лет,

Прошлого неизгладимый след,
Им не верит нынешний свет...

Долго мчался герой Алмамбет,
Долго под ним скакал Сарала.
Вот увидал перевал Сарала,
Где жеребенком играл Сарала,
Прах, который топтал Сарала,
Травку, которую рвал Сарала,
Волю, которую звал Сарала,
Землю, которую знал Сарала.
Заметался тогда Сарала,
Замер он от радости вдруг,
Замечая холмов полукруг,
Замаячивший перед ним,
Запахом обдающий родным...

У Алмамбета отличный конь.
Конь Сарала — необычный конь.
Жарким обвеянный паром конь.
Был крылатым тулпаром конь,
Был могучим и ярим он!
Мчится по крутоярам он,
Ноздри пышут огнем костров.
Рот раскроет — как дух ветров!

Рядом с ним бежит Кок-чебиц,
Тоже хочет Бейджина достичь.
Тоже был он славным конем!
Скачет юный Сыргак на нем,
В думу глубокую погружен,
О Китае думает он...

«Там, где виден дремучий лес,
Где нависли своды небес,
Где чудовища там и тут
То возникнут, то пропадут,
Полная свирепости там,
В укрепленной крепости там,
Охраняя дорогу в Китай,

Великанша живет Канышай.
Не живет Канышай одна —
Войском большим владеет она,
Всадников у нее найдем —
Кони возят их с трудом!
Их не выдержит конский круп!
Великана мы там найдем
По прозванию Громадный Пуп...
Если мы не обманем их,
Пленниками станем их.
Вступят с нами в жестокий бой —
Туго нам придется с тобой.
Помни, мой кабан молодой:
Канышай нам грозит бедой!
Храброе войско явится с ней!
Хитростью надо справиться с ней...»

Так Алма джигита учил.
Наземь он с коня соскочил,
Саралу Сыргаку вручил...
Опоясанный потом
Обнаженным своим мечом,
Облаченный в шубу свою,
Обладающую в бою
Дивным свойством: пуля ее
Не пробьет, не заденет копьё, —
О помощи небеса моля,
Оставив Сыргака на пути,
Остерегаясь быстро итти,
Остонавливаясь каждый миг,
Осторожен, хитер и тих, —
Алмамбет направился в лес
И, наконец, за холмом исчез.

Перед Алмамбетом чинар возник.
В ногах чинара бежал родник.
Знаменитейшие китайцы там,
Родовитейшие китайцы там
Пили воду из родника:
Так была та вода сладка.

Каньшай-великанша сюда
По воду слала слугу всегда —
Ослоухого силача.
Алма заметил у родника
Ослоухого силача.
Сбить задача была нелегка
Ослоухого силача!
Только наполнил он до краев
Шкуры двенадцати быков,
Алмамбет перед ним возник.
Отрубил ему голову вмиг,
Бросил ее в прозрачный родник,
И надел он поверх своих
Одежды этого силача;
Косу, подобную булаве,
Прицепил к своей голове.

Подняв наполненные до краев
Шкуры двенадцати быков,
Алмамбет, великий храбрец,
Прямо направился во дворец
Женщины-великанши.

Много всяких гостей сошлось,
Множество силачей сошлось
У женщины-великанши,
Собрались китайцы, теснясь...
Оказалось, у них сейчас
Праздновался месяц чаган*.
Был битком набит дворец,
Гудом гудел из конца в конец,
Оказалось, Алма во дворец
Прибыл в самый месяц чаган.

Входит в зал необъятный он,
В обращении приятный он.
Думаешь: самый статный он!
Думаешь: самый знатный он!
Изгибается на ходу,
Извивается на виду

У кичливых калдаев здесь.
Видит эта надутая спесь:
Самый красивый воин он,
Важен, благопристой он!
По-чужому лопоча,
По-китайски бормоча,
Великанше представился он.
Великанше понравился он.
Острою была его речь,
Всех сумел он ею завлечь,
Тысячи блестящих слов
Он разбрасывать был готов.

Окружен был воинством он...
Вежливо, но с достоинством он
Заговорил с Канышай самой,
Завороженной уже Алмой.
Завороженные богатырем,
Замерли все китайцы кругом.
Замерли так, что в тишине
Слышен был каждый слабый звук...
Горло, подобное нежной луне,
Шея прекрасная, как укрук*,
Поразили богатырский круг.

Взор прищурил отважный Алма.
И, степенный и важный, Алма
Перед престолом пустился в пляс.
Если бы знали китайцы сейчас,
Знала бы Канышай сама,
Что перед ними пляшет Алма!
Но недаром был месяц чаган,
Каждый воин был вдребезги пьян!

Канышай на престоле своем,
На престоле своем золотом
Смотрит, как танцует Алма:
Пляска сводит ее с ума!
Разомлело тело ее,

Алаке захотела она,
Распаляют страсти ее,
Грезит, как о счастье, она,
Чтоб обнял ее Алаке,
Целовал ее Алаке.
Страстью так обильна она,
Перед Алмой бессильна она,
Видит жаркие губы его,
Видит белые зубы его,
Видит круглые руки его,
Видит сильные ноги его!
В беспамятство упадет она,
Вновь в сознание придет она!
Пламя внутри сжигает ее,
В уголь не превращает ее.

Потеряв над собою власть,
Хочет утолить свою страсть,
Думает про себя Канышай:
«Данью сорокаханный Китай
Обложу-ка я поскорей.
Множество у меня силачей —
Сделаю-ка над ними главой
Пляшущего сейчас предо мной:
Он сразил меня красотой,
Этот водонос молодой.
Как бы часы летели с ним!
Спать бы в одной постели с ним!
Подпоить бы моих силачей,
Потопить бы в вине гостей,
С этим бы водоносом потом
Уединиться в доме моем!»

А в это время пляшет Алма,
Сводит он китайцев с ума —
Не только женщин, но и мужчин!
Златокосый исполин,
Азиз-хана славный сын,
Окружен великанами он,
Пляшет с большими кумганами он,

И кому подносит кумган —
Сразу тот становится пьян!
Страшен будет месяц чаган:
Полон яда каждый кумган!
Яд ему дала Каныкей:
Хитрою была Каныкей.

Пляшет неустанный Алма,
Сыплет яд в кумганы Алма
И гостям подносит, кружась,
Их отведать просит, кружась.
К самым сильным он пристаёт.
Им подносит в первый черед...
Изгибаясь и вертясь,
Извиваясь и кружась,
Он подносит каждому на ходу,
Он подносит каждому — на беду! —
Ядом приправленное свое,
Ядом отравленное питье!
И теряют разум все,
Сваливаются разом все.

С бездонными и тяжкими здесь,
С недопитыми чашками здесь,
Свалившихся букашками здесь,
Лежащих вверх тормашками здесь
Великое множество было.

Пену изо рта струящих здесь,
В холоде уже дрожащих здесь,
Гибнущих, как в водоверти, здесь,
Ищущих собственной смерти здесь —
И того более было.

Бесчисленно ревущих здесь,
Бессмысленно поющих здесь,
Воинственно кричащих здесь,
Убийственно мычащих здесь —
И того более было.

Измученных блевотою здесь,
С застывшею зевотою здесь,
С выпростанными глазами здесь,
С прыгающими лицами здесь —
И того более было.

С разбитыми кумганами здесь,
С открывшимися ранами здесь,
Безумцев, в кучки сбившихся здесь,
Бесстыдно совокупившихся здесь —
И того более было!

Пораженная Канышай,
Изумленная Канышай,
Великанша громадная, тут —
Видит: дело неладное тут!
«Этот смутьян — водонос ли он?
Гибель нам не принес ли он?
Может быть, он, обрезанный, тот,
Кто свой кырчо* из шерсти вьет?
Кто целое место свое, как бурут,
Сделал увечным? Кого зовут
Кровопийцею Алмамбетом давно!
Должна была знать я об этом давно!
Это же Азиз-хана сын,
Посланный на разведку в Бейджин!
Значит, вот Алмамбет каков!
Караулящих стрелков
Истребив, очевидно, прибыл он!
Одноглазый где великан?
Где жрецы его? Этот смутьян
Их разбил, и на гибель прибыл он!
Где теперь лисица Калтар?
Где теперь наш умный архар?
Их сразив, очевидно, прибыл он!
Приготовьтесь, мои силачи!
Обнажите скорее мечи!
Нападайте все на него,
Нападайте на одного!»

Услыхав Канышай приказ,
Великаны встали тотчас,
Приготовились силачи,
Обнажили свои мечи!
Алмамбет, Азиз-хана сын,
Даром, что стоял он один
Против тысячи, — разъярен,
На семь тысяч пошел бы он!
Подступили уже к нему
Силачи, но в этот миг
Погрузил он всех во тьму!
Потушил светильник их!
Полная настала тьма!
Кинувшись на силачей,
Ринувшись на силачей,
Истребил их всех Алма,
Изрубил до одного!

В страхе смотрит на него
Женщина-великанша.
Не совладать ей с бедой такой,
Исполинской своей рукой
Стены раздвинула дворца,
Стены покинула дворца
Женщина-великанша.
Опоясавшись мечом,
Быстрым завладев конем,
На тулпаре своем лихом
Поскакала в лесу густом
Женщина-великанша.
Испугал ее исполин
Алмамбет, Азиз-хана сын,
Поскакала скорей в Бейджин
Женщина-великанша.
Но за нею погнался вслед
Волком бешеным Алмамбет.

Из лесу выбралась Канышай,
Закричал Алма: «Догоняй!»
Лев среди храбрецов — Сыргак.

И помчался на зов Сыргак
По тропе кривой, как вьюн,
И настиг Сыргак-туйгун*
Женщину-великаншу.
У него рука тяжела,
Разом выбил он из седла
Женщину-великаншу.
Крылья расправил тогда Алмамбет,
И обезглавил тогда Алмамбет
Женщину-великаншу.
По камням, их касаясь едва,
Покатилась ее голова.

III

Битва
под
Бейджинем

±

Перевод
СЕМЕНА ЛИПКИНА

⌘

Поражение Конурбая

Окончив разведку, Алмамбет и Сыргак угоняют неисчислимые табуны китайского хана Конурбая, войска которого бросаются в погоню за разведчиками. Манас посылает им на выручку Чубака, а затем и сам присоединяется к ним. Происходит ряд схваток киргизских богатырей с китайцами. Затем прибывает киргизское войско. Манас нападает на Конурбая, и тот, уже испытавший превосходство Манаса, бежит. Его войско терпит поражение. На помощь Конурбаю приходят свежие войска во главе с одноглазым Мады-ханом.

Поговорим об Ак-куле.
Если безлунная ночь на земле,
Если земля в туманной мгле —
Светятся уши у него.
Словно свечи в них зажжены! ¹
Бурей зачато его существо!
На переносице у него
Обозначен уздечки след.
И на крупе у него
Пальцев святого имеется след:
Это воистину редкий конь!
Не был давно в разведке конь,
Очень сейчас ретив Ак-кула,
И дорога ему светла:
Свечи в ушах освещают ее!

Крашеное держа копые,
Сел на саврасого коня,
На божественного коня,
Твой Проливатель крови Манас,
Поговорим о копые сейчас.

Самых сильных людей отобрав,
Чтобы срезали камыши,
И верблюдов потом отобрав,
Чтобы возили камыши, —
Копейщик, знавший дело свое,
Так разукрасил это копые:
Камышами покрыл его,
Клеем снаружи скрепил его,
Жилами обкрутил его!
Драгоценным копыем взмахнув,
И камчой Ак-кулу хлестнув,
Скачет киргизский исполин,
Задумавший покорить Бейджин!

¹ По киргизскому поверью, в очень темную ночь у чистокровных скакунов светятся уши, фосфоресцируют.

Гордо Манас обнажил свой меч.
Гору угля бросили в горн, —
Горну не хватило горы,
Грозный чтобы выплавить меч!
Множество вырубил лесов,
Чтобы в горне выплавить меч!
Множество истребили быков —
Шкуры их пошли для мехов, —
Чтобы грозный выплавить меч!
Горновщик молился не раз,
Горячо просил Каратаз,
Говоря: «Помоги мне, бог!»
Для закалки того меча —
Так была его сталь горяча —
Не хватило холодных ручьев.
Кончить отделку его не смогли,
Не выдержав, изнемогли
Сорок искуснейших ковачей,
Выковавших тюмени мечей!
Из далекой Мисирской* земли
Знаменитейший ковач
Зиму и лето Манасов меч
Выковывал для будущих сеч!
Закаляли в Уруме* его,
За тридцать девять далеких земель:
Закалка длилась двести недель!
Воздух умеющий рассечь,
В грозные дни напряженных сеч
Удлиняющийся меч,
В мареве голубых небес
Ворожкой закаленный меч,
Джаем замороженный меч,
Ядом драконьим пропитанный меч,
В деле военном испытанный меч,
Гору способный с размаху рассечь,
Такой, что кинь в траву его,
Он траву сумеет зажечь,
В дальнем Мисире прославленный меч,
С трудностями доставленный меч —
Вынул из ножен твой Манас.

Искрой битв зажжен твой Манас!
Лик Манаса вселяет страх:
Как у дракона, весь в волосах!
Вес одних лишь доспехов его
Больше веса верблюжьих вьюков!
Твой Проливатель крови таков:
Только те, что сами хотят
Умереть, сражаются с ним.
Если же смерти своей не хотят,
Биться не решаются с ним.
На плечо повесил он
Копье в шестьдесят кулачей длиной;
Позади его полз дракон;
Нежным сияньем сходны с луной,
Две крылатых пери его
Сопровождали с обеих сторон.
Сопровождали звери его:
Рыскал волк с безволосым хвостом;
Беркут расправил крылья над ним;
Следовал тигр за Манасом твоим;
Серопестрый кулджа* бежал;
Сорок чильтенов*, Каип-Эрен
Были спутниками его.

Правый глаз его пламя метал —
Пули сыпались из Ак-кельте,
Уголь из левого вылетал —
Пули сыпались из Ак-кельте!
Безразлично для Ак-кельте,
Близко ли, далеко ли враг —
Повергает врага во прах!
Сталь в сердцевине Ак-кельте!
Смертоносно дуло его,
Гуще тумана — дым из него.
Мушка — чудовище, пуля — смерти!

Крикнул Арстан. На Манасов зов
Сотни тысяч храбрецов
На конях своих кинулись вдруг,
На китайцев ринулись вдруг!

И неверные — наутек,
Повернули крупы коней.
Двинулся киргизов поток!
Разве китайцы против них
Устоят? Разве лица их —
Срама не знающие ступни?
Разве толстокожи они?

Стремительно батыры летят,
В смятении кафиры спешат,
Скачут к городским воротам.
Пики возвышаются там
С наконечниками — в кулач!
Целые тьмы пустились вскачь!

В бой вмешался гiena Чубак.
Славен в деле военном Чубак,
Твердая у него рука!
Льется кровь перед ним, как река,
Сглаживая лицо земли;

Врассыпную бежали враги,
Путь к Бейджину держали враги,
Биться не решались тогда!
День и ночь смешались тогда:
Правда, прозрачен был небосвод,
Но земля уже не видна,
Мраком густым покрылась она,
Тьмы китайцев по ней текли,
Закрывая лицо земли!
Разум тогда потерял Калча,
Разом не повернул свой народ,
Обратившийся в бегство народ!
Мужества не показал Конурбай,
Выхода не знал Конурбай...

«Если бегущих не ворочу,
На Манаса не наскочу,
Если бурутам обиду спущу,
Если Манасу не отомщу —
Ляжет на меня позор!» —

Так подумав, острый взор
В гущу боя вперил Калча:
Улюлюкая и крича,
Все двенадцать ханов стремглав
Мчатся, толпы неверных загнав
К желтой реке Курпюльдек —
Глубочайшей из желтых рек.
Тьмы правоверных батыров там
Окружили кафиров лихих...
Отделившись от своих,
Выступил великан Конур,
Выдающийся хан Конур.

Только завидел его Манас —
В яростный пришел он гнев, —
Твой наводящий ужас Лев!
Ветер летит изо рта у него,
Пламя летит из очей у него!

«Стоит ли мне китайцев рубить,
Множество калдаев губить?
Эту мелочь к чему теснить?
С этим ватнокушачным Калчой,
С важным, остроколпачным Калчой
Разве не лучше мне в бой вступить?
К чванному псу подъеду я,
Здесь одержу победу я!»

Так подумав, Манас-ойон,
Для которого пули — пыль,
Мелочь, не стоящая того,
Чтоб о ней заботился он,
На Конурбая направил свою
Пику, прославленную в бою.
Громом Арстановым оглушен,
Пылом Арстановым обожжен,
Видом Арстановым поражен,
Не выдержал Конурбай, струхнул,
Вдоль реки за скалу свернул,
Юркнул, как лиса, в тростники!

Снова пустился в бой ойон,
День ли, ночь — не считался он.
Гнал хаканчинцев* твой исполин,
Загонял неверных в Бейджин.

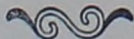
Всполошился великий Бейджин,
Кары-хан собрал свой народ,
Поскорей отправил в поход!
Страхом смертельным обуян,
Множество китайских войск
Конурбаю послал Кары-хан.
Предводителем этих войск
Мады-хана сделал он,
Одноглазого силача.
Место ему уступил Калча,
Поскакал на бугае Мады
Выручать своих из беды.

Борьба с Мады-ханом

Мады-хан на своем однорогом бугае прибывает на поле битвы и начинает теснить киргизов. Конурбай, оправившись после своего поражения, вступает в битву. Он пытается одурачить Сыргака, но Алмамбет расстраивает его замыслы. Тщетно Манас и его батыры нападают на непобедимого Мады-хана, — Мады-хан непобедим. Манас упрекает бога в несправедливости. Киргизские батыры убивают Мады-хана.

До прибытия Мады
Златокосый исполин
Алмамбет, Азиз-хана сын,
Свет полдневный сделал тьмой,
Лето сделал он зимой,
Повелел, чтоб выпал снег,
Льдом покрыл он Курпюльдек,
Заморозил реку до дна —
Стала для перехода годна!

Удивились киргизы весьма.
Поразил киргизов Алма.
Все переглядывались они,
Очень обрадовались они.
И двенадцатиханный народ,
Радуюсь на своего Алаке,
Двинулся к ледяной реке.
Переправились все войска,
Перешли чудесные льды...
Прислушайтесь, битва близка!
Прибыл на единоборство Мады.

Взора не выдержав его,
Вздогнуло лицо земли.
Взволновались неверных ряды,
Взвихрилось облако пыли вдали.
Изо всех китайцев Мады —
Выдающийся храбрец...
Мелким душам приходит конец!
Конечно, знайте, не все еще здесь:
Будет большое побоище здесь!

Непроницаемый щит стальной
На себя надел Мады-хан.
С целую гору величиной
Однорогий бугай под ним,
Быстроногий бугай под ним.
С вихрем он поспорит степным,
Птице не поспеть за ним,
Ветра такого не знает мир,

Чтобы с бугаем сравниться мог!
Редок в мире такой батыр,
Чтоб с Мады-ханом сразиться мог!

Явственно видишь ли сквозь туман
Ямы, вытопанные там?
Язычников и мусульман,
Павших крест-накрест, видишь ли там?
На побоище взгляни,
Где мертвецы лежат одни...
Не поддаваясь кишащим кишмя
Сотням тысяч мусульман,
Уничтожая, губя, громя,
Руководит борьбой Мады-хан.

«Если будет он так продолжать,
Резать будет, как сейчас,
Нам беды не избежать:
Перебьют неверные нас!» —
Так подумал Арстан-Манас,
У которого лик вождя...
В середину не входя,
С краю стал лицом к лицу
С Мады-ханом Арстан-Манас!
Оба сражались, насмерть борясь.

Увидав этот страшный бой,
Алмамбет, Чубак, Аджибай,
Славный Сыргак, абаке Бакай,
Выдающихся сорок бойцов
Такого, как Мады, силача
Окружили со всех концов.
С Ак-кулой сцепился бугай;
Не волнуясь, не горячась,
С Мады-ханом бился Манас;
Алмамбет и Сыргак-аяр*
Ударяли копьем враз,
И куда попадал удар,
Тело Мады звенело там!
Копьями били по всем местам —

Не замечает удары Мады,
Бьется с Манасом ярый Мады!
Кроме Манаса, остальных
Отрубями считает он,
Отмахивается от них.
Оттого так думает он,
Что народа хребет — Манас!

Сорок батыров разом пошли,
Улюлюкая и крича,
В наступление на Мады.
Их заметил хитрый Калча,
Двинул на них китайцев ряды.
Скопом все на киргизов пошли,
Затряслось лицо земли.
Истинный бой лишь теперь наступил!

Был у хана Манаса верблюд,
Низкорослый Джельмаян*.
С уздечкой золотою верблюд,
Славящийся быстротою верблюд.
Рысью помчит — будет ветра быстрей,
Шагом пойдет — всех обгонит зверей!
Жизни собственной не щадя,
От киргизского вождя
Не отступал ни на шаг Джельмаян;
Был для киргизов источником сил,
Куль-азык* он толченый возил,
Жаренный самой Каныкей!
Поочередно слезая с коней,
Вкусной насытившись едой,
Снова садились на коней,
Снова батыры вступали в бой...

Увидал этот бой Калча,
Увалень толстоногий Калча,
Грузный, широкошапгий Калча.
Крикнул Конур* своим войскам,
Голос его гудит, как гром:
«Если настала смерть — умрем.

Нечего смерти бояться нам!
Разве для виду сошлись вы сюда,
Только числом врага пугать?»

Двинул Конур несметную рать.
Лучших выбрал героев он!
Их по бокам построив, он
Копьеносцев поставил вперед,
Разом в бой направил народ.
Этот напористый народ
Численностью песок превзойдет:
Если бы даже побил ты всех,
Думая: «Вот изрубил я всех», —
Глядь, надвигаются, как туман,
Новые тюмени в поход!
Оказывается, неискореним,
Неистребим китайский народ!
Потерпит поражение он —
Опять придет в движение он,
Опять начнет сражение он,
Оказывается, для дружин,
Жаждающих захватить Бейджин,
Истинное горе — Китай!

Оказывается, когда Конур
Двинул свои дружины в бой,
Были между ними: Джолой,
Лама великий, железный герой
Муз-кендик, Берюкез удалой
И множество силачей других.

На Сарале сидящий Алма,
Шаровары носящий Алма,
Копье без кисти держащий Алма,
Мечом обнаженным грозящий Алма, —
Выступил Алмамбет против них.

На Кок-теке* сидящий Чубак,
Синий халат носящий Чубак,
Непобедимый в сече Чубак,

Рослый, широкоплечий Чубак, —
Выступил сын Акбалты против них.

На Кок-тулпаре сидящий Бакай,
Шапку из рыси носящий Бакай,
С бороною белой Бакай,
Подобный рати целой — Бакай,
Благочестивый, хитрющий Бакай,
От врага не бегущий Бакай, —
На пороге смерти своей
Против китайских силачей
Выступил абаке Бакай.

Лучший из воинов бадыши,
Не щадящий своей души,
Выступил Сыргак молодой.

Также был героем Калча.
Наблюдая за боем, Калча
На возвышении стоял.
Гнев великий его обуял:
«Вот бурутский раб Сыргак.
Не одолеешь его никак!
Оказывается, жив до сих пор:
То, что жив он, для нас — позор!
Думал я: «Среди мертвых Сыргак,
Оказывается, бессмертен он!
Если б не был бурутом Сыргак,
Был бы примером для всех племен,
Им бы гордился род людской!
Много нанес он Китаю зла,
Гибельны Сыргака дела!
Я точил на него свой глаз,
Погубить его думал не раз,
Случая не находил никак.
Но теперь погибнет Сыргак!
Не уйти от меня врагу:
Притворившись, будто бегу,
Приготовлю ему западню.
В западню его заманю!
Равен ум ребенку Сыргак.

Пустится вдогонку Сыргак,
В яму широкую свалится он, —
Силой не будет бахвалиться он!
В яму, не видимую для глаз,
Только попадет он, тотчас
Закидать камнями велю,
Яму ту землей завалю,
Задохнется в ней Сыргак!»
Хан Конур, подумав так,
Притворился, что струхнул,
Перед Сыргаком промелькнул
И назад коня повернул.

То, что до самых горных вершин
Маревом многоуглым горит, —
Это город Малый Бейджин.
То, что вокруг марева бежит
Узкою каймою поясной, —
Это бейджинский вал крепостной.
То, что, соседствуя с вышиной,
Грозной скалой стоит издавна, —
Это городская стена.
К ней-то пустился Конурбай,
Чтобы Сыргак на нее налетел, —
Это бейджинской земли предел.

Не подумав, что гибель ждет
У бейджинских древних ворот,
Голову очертя, напролом
На тулпаре летя своем,
Хочет Конура Сыргак настичь...
Знамя киргизских героев он!
Очи свои удвоив, он
Об одном лишь мечтает, смельчак:
Ухватить за полы его!
Вот приближается к яме Сыргак...
В этот миг тяжелый его
Остановил Азиз-хана сын,
Златокосый твой исполин.
За поводья взял он коня,
В сторону Сыргака отвел:

«Юноша мой, послушай меня!
Этот безбожный Конурбай,
Хитрости знающая свинья,
Делая вид, что бежит от тебя,
Возбуждая душу твою,
Приготовил тебе западню.
В яму, которую силачи
Выкопали по приказу Калчи,
Он тебя заманить хотел.
Ты же сдуру за ним полетел!
Мрачно Конура сердце, Сыргак!
Этого черноверца, Сыргак,
Язычника, да накажет бог!»
Так Сыргаку сказал Алмамбет,
И Сыргак обратно коня
Повернул — Алмамбету вслед.

На сражающихся посмотри.
На качающихся посмотри.
На шатающихся посмотри.
На валяющихся посмотри.
На давнишнюю быль посмотри.
На клубимую пыль посмотри.
На полчища храбрецов посмотри.
На множество мертвецов посмотри.
На великана посмотри:
На Мады-хана посмотри!
На бугае несется он.
Ночи и дни дерется он.

Во главе с Манасом твоим
Взяли батыры его в кольцо.
Задрожало мира лицо.
Принялись бить батыры его.
Поражали секиры его.
Алмамбет ударял его.
Аджибай ударял его.
Хан Бакай ударял его,
И Сыргак ударял его,
И Чубак ударял его.

Ударял его много раз
Удалой батыр Манас.
Ударяли со всех концов
Сорок Манасовых бойцов!
Рубят, колют батыры его —
Не берут секиры его!
Рубят, колют его силачи —
Не берут Мады-хана мечи!
И тогда твой киргизский Лев —
Хан-Манас пришел во гнев.
Зарыдал Манас от стыда,
Богу пожаловался тогда:

«Всемогущий, великий алда*!
Ты вначале создал меня
Львом, кафирам вселяющим страх,
Вихрем, их повергающим в прах.
Стал им ручьем отравленным я,
Стал Манасом прославленным я,
О единственный, волей твоей!
Ты таинственной силой своей
Мой воинственный малый народ
Сделал равным народам большим.
Ты меня поставил над ним.
Львов, пытавшихся драться со мной,
Истребляя, сравнял я с землей,
Много подвигов я совершил.
Чем же я теперь согрешил?
Почему ты унизил меня?
Или только для слабых, господь,
Создал ты грозою меня.
Сильных не дав мне побороть?
Этим чести лишаешь меня,
Этим в бездну бросаешь меня».

От великой злобы дрожа,
Крашеное копьё держа,
Словно камень с горы летя,
Исполинской камчой свистя,
На Мады-хана Манас напал.

Не отступающий от врага,
А нападающий на врага,
На Манаса пошел Мады-хан.
Рассвирепел, заорал великан!

Не видал одноокий Мады,
Как подъехал сбоку к Мады,
Как ударил копьем абаке;
Вслед за Бакаем Алаке
Также вонзил копье в него.
Здесь-то начались муки его!
От поводьев руки его
Отошли, перебиты копьем,
Разом подъехали к нему
Шууту с твоим Чубаком,
Разом удар нанесли ему.
От удара двух смельчаков
Ноги выпустил из стремян
Одноглазый Мады-хан!
Тут Манас подскочил к нему.
Мады-хана с бугая свалил.
Подлетел к нему с краю Чубак,
Голову снес бугаю Чубак!

Увидев на земле Мады,
Одноглазого силача,
Крикнул китайским войскам Калча:
«Горе, если Мады умрет!
Им силен китайский народ.
Двинусь-ка к Мады-хану я,
Помогу великану я».

К Мады-хану подъехал Калча.
Выручить хотел силача,
Но Сыргак ему путь преградил,
А Бакай булат обнажил.
К Мады-хану скорей поспешил
И, взмахнув булатом с плеча,
Обезглавил он силача!
В ужасе отпрянул Калча...

Конец битвы

Китайский хакан посылает против киргизов свежее войско во главе с Великим Стрелком (Чон-Мргеном). Алмамбет убивает Великого Стрелка и, переодетый китайским воином, бежит с китайским знаменем в руках по направлению к Бейджи-ну. Китайцы устремляются за мнимым знаменосцем. Конурбай пытается завлечь Манаса в западню, но Алмамбет спасает его. Половина китайских войск погибает. Захватив огромную добычу, киргизы достигают ворот Малого Бейджина. Манас приказывает прекратить бой.

Понеслась от рядов в ряды
Страшная весть о смерти Мады.
Новые прибыли войска,
Больше прежних в тысячу раз,
Многочисленнее песка.
Лучших бойцов послал Китай,
Прибыли толпы, крича: «Татай*!»
Прибыл наездник и скороход,
В черные дни — китайцев оплот,
Государства главный стрелок,
Неоценимый, славный стрелок —
Знаменитый Чон-Мерген,
Прозван был чародеем он.
Прозван был Великим Стрелком:
Против полчищ скакал напролом.
Промаха не знал никогда;
Прицеливаясь в острие копья —
Пробовал он в безлунную ночь
Пробивать конец острия!

Когда сорокаханный Китай
Переживал тяжелый час;
Когда Кары-хан издал приказ —
Шесть тысяч мальчиков собрать,
Во главе с Алмамбетом послать,
В пасть дракона отправить их;
Когда погибли все почти, —
Среди спасенных шестерых
Оказался Чародей...

Обучался Чародей,
С детских лет постигал колдовство,
На три месяца отстав
От Алмамбета твоего,
Равным Алмамбету не став.
Уступал в искусстве ему.
Если б еще девяносто дней
Обучался Чародей,
Он сумел бы догнать Алму!

Только заметил твой Алмамбет
Появление Стрелка,
Заколдовал он облака,
Чтобы наземь пролиться дождю
Чародей приказать не мог!
Чон-Мергена здесь проклял бог!
Только хотел он лук натянуть,
Целясь в храброго Чубака,
Думал из Ак-барана пальнуть,
Целясь в этого смельчака, —
Войска киргизского краса —
Молодой показался Сыргак.
И откуда он взялся, Сыргак!
Словно пуля, подъехал к Стрелку,
Ай-балтою* на всем скаку
С Кер-чунака свалил стрелка!
Чародею на помощь пока
Поскакала неверных тьма,
Подоспел к Чон-Мергену Алма
И, мечом своим взмахнув,
Разом обезглавил Стрелка!

Грозный китайский исполин,
Алое знамя лама держал,
Не склонял, упрямо держал.
Конь Аджибая Карт-курен
Этому ламе попался в плен.
Оказывается, на Курене твоём
Лама великий сидел верхом.
Алаке скакал вдалеке,
Увидал его Алаке.
Хитрость придумал Алаке.
Переоделся Алаке,
Благородным китайцем став,
Краснокисточным воином став,
Алмазы носящим на голове.
Подумайте об этом льве!
К ламе подъехал Алаке.
С Карт-курена свалил его.
Очутился лама в траве!

С крашеной секирой в руке
Подскочил к нему Сыргак,
На шесть частей изрубил его!
Алое знамя у ламы забрав,
Алмамбет поскакал стремглав,
Отделившись от других,
По направленью к Бейджину теперь.
Можно его по чину теперь
За чванного калдая принять,
За полухана Китая принять!

По-калмыкски лопоча,
По-китайски бормоча,
На волохвостом своем Сарале
Алмамбет пустился бежать,
Алое знамя склонив к земле.
Видят тюмени китайских войск:
Отступил знаменосец их,
Алое знамя битвы в пыли.
Алмамбета ламой сочли,
Побежали все, как один,
По дороге, ведущей в Бейджин,
Будто затеяв байгу*, бегут!
Страх показав врагу, бегут...
Бабе подобен бегущий враг!

Полчища неверных сейчас
Атакует сзади Манас.
«Скошенной пикой пугая их,
Скопища разбивая их,
Скоро в сердце Китая их —
Скоро всех загоню в Бейджин!
Если вступить позволит алда
Моему коню в Бейджин,
Раздарю батырам тогда
Розовых китайских девиц,
Напоминающих зарю.
По заслугам всем раздарю,
Захвативши сердце врага,
Золото, бирюзу, жемчуга!»

Рассуждая так, твой Манас
Беспощадно громит врагов,
Их теснит с обоих боков.

Где, бежа в хаканчинский Бейджин,
Толпы кафи́ров оралы: «Татай!»,
Где киргизы теснили Китай,
Имеется это место;
Место разгрома неверных войск,
Гибели неимоверных войск,
Имеется это место;
Где бежали, рыдая, в Бейджин
Воины, в сердце Китая — Бейджин, —
Имеется это место;
Где, лишаясь всадников вдруг,
Вольные кони бежали вокруг,
Мимо трупов, усеявших луг,
Имеется это место;

И когда Леопард-Манас
Гнал и теснил китайцев тьму,
Выскочил навстречу ему
Широкосапогий дюжий Конур,
Неуклюжий хан жрецов,
Наихитрейший из хитрецов!
Не сумев повернуть коня
Против Манаса твоего,
Взгляда не выдержав его,
С ним сразиться не посмеяв,
С криком поднять копыта не сумев,
Даже во гнев притти не сумев,
Испугался Конурбай.
Растерялся Конурбай,
Побежал жрецов властелин
По дороге, ведущей в Бейджин.

Увидав Конурбая, Манас,
Разума не теряя, тотчас
Начал преследовать его.
Из виду скрыться стараясь, Конур,

Испуганно озираясь, летит
На быстроногом своем Алгаре.
Что ни миг мелькает плеть!

Если на места посмотреть,
По которым Конур летит,
То в холмах они да в буграх,
Тропы теряются в горах.
За горами пустыня была;
Сорокадневным путем легла.
Лебедь пересечет ее —
Он лишится крыльев своих.
Кулан* ее перебежит,
Он останется без копыт...

По пустыне, где найти
Даже капли воды нельзя,
По пустыне, где найти
Птице горстки травы нельзя,
По пустыне, где вдали
Марево остриями блестит, —
По такой пустыне, в пыли
Конурбай-язычник летит!

Вот летит Конурбай с горы:
У запыхавшегося Алгары
Шея болтается сейчас;
Вот несется в гору Манас:
Светятся глаза Ак-кулы
Искрами от кремнива сейчас,
Развевается грива сейчас,
Вот летит Конурбай с горы:
Как у косули, у Алгары
Упираются ноги сейчас!
Вот несется в гору Манас:
Ак-кулы развевается хвост,
Очи пылают ярче звезд!
Вот уже горной крутизной
Скачет Конурбай сейчас;
Вот его настигает Манас,

Но Конурбай, как мираж сквозной,
Отдаляется на горе,
Отдохнуть не дает Алгаре,
Отягощен заботой одной:
Отчаявшуюся душу спасти!
Оторопью порабощен,
Отступая, стегает он
Плетью куда попало коня,
На перевал с перевала гоня,
Он по холмам раскаленным летит,
По бесконечным склонам летит.
Не теряет надежды Конур
На спасенье жалкой души.
С приближением беды
Отдаляется Конурбай.
Озирается Конурбай
На Манасова Ак-кулу.

Воздадим Ак-куле хвалу!
Очень сейчас Ак-кула ретив:
Скачет, ветер опередив!
Хана тяжелого, как свинец,
Тебетеем* считал бегунец!
Хана, величиною с Опол*,
Поднял, как позвонок, бегунец!

Яростью светит Манаса взор...
Ясно предвидит Конур свой позор.
Ясно видит опасность Калча,
Убыстряет бег Алгары.
Трудные и для собаки бугры
Переваливает Калча.
К Эсен-хановым воротам
Поскакал великий Калча.

Шестидневный путь лежал
До Эсен-хановых ворот.
Алгара, задрожав, заржал:
Сердце милый край узнает,
Где жеребенком еще бежал,

Где в траве зеленой лежал...
Оказывается, Алгара
Особенным животным был,
Стрепетом быстролетным был!
Смерти пока не пошлет ему бог,
Силой крылоподобных ног
Будет он выручать Калчу,
Будет всегда спасать Калчу!

Ак-кулу стегая камчой,
Гонится хан Манас за Калчой.
Приноровясь к движеньям Калчи,
Изменял он прицел копья,
Не желая щадить себя,
Поразить мечтая раба,
Погубить Конурбая-раба.
Выбрался на равнину Манас,
Ринулся к исполину Манас,
Чуть было за полу не схватил,
На песчаный ступив перевал,
Чуть Конура не догнал,
Чуть Конура не свалил,
Но песчаный крутой перевал
Конурбай перевалил.

Поднял тогда копье Манас,
Целясь в правой лопатки край,
В черную печень ударил копьем...
Оказывается, Конурбай
Тоже героем истинным был!
Острую саблю вынул он,
Разом копье перерубил!
Тут умом пораскинул он:

«Ловок, оказывается, Манас!
Душу свою с трудом я спас,
Перерубив его копье.
Дважды спасти не удастся ее!
Как бы меня Манас не догнал,
Как бы, меня догнав, не поймал,

Как бы, меня поймав, наповал
Не сразил бы меня Манас!
Захватил бы меня Манас,
Плохо бы пришлось тогда
Суетной душе моей.
В руки Манасу попасться — беда!
Алую кровь, что во мне течет,
Как бы не пролил он рекой!
Как бы железной своей рукой
Не распорол бы мой живот!..»

Птицы быстрее Конур полетел.
Близок родной страны предел,
Блестает Бейджин вдалеке.
Следом за ним скакал Манас,
С пикой скошенной в руке.
Увидал его тогда
Неоценимый твой Алаке...

В верности Манасу когда
Твой поклялся Алаке,
Звезды сдвинулись в небесах.
Стал ему другом Алаке!
Наблюдал он вдалеке,
Как от Манаса бежал Калча,
Как Манас нагонял силача.

«Этот хитрости полный Калча
Скроется в воротах сейчас.
Как бы за ним не въехал Манас,
Как бы не оказался глупцом.
Выбраться не сумев из ворот,
Верную гибель там найдет.
Хана Манаса — киргизов оплот —
Умертвит китайский народ.
Плохо кончится наш поход,
Если Манаса задушат они,
Наш пожар потушат они,
Замыслы наши разрушат они,
Горе на нас обрушат они!»

Так рассуждая, твой Алмамбет
Поскакал, подобно стреле,
На крылатом своем Сарале.
Подскочив к Манасу-Льву,
Заставляя кидаться его,
Как над трупом мужа вдову;
Вынудив выбиваться его,
Выхватил повод у него,
Вывел в сторону Льва твоего.

«Выдающийся воин земли!
Видишь, тебе не сравниться с Калчой!
Выделяющийся вдали
Выжженный перевал крутой —
Не такой перевал, чтоб его
Было перевалить легко.
Скачущий теперь вдалеке
Хан Конур, сын Алоке,
Не такой батыр, чтоб его
Было нам победить легко!
Конь, на котором Конур сидит,
Разве бежит? Он, как птица, летит!
На боках у него крыла!
Не догонит его стрела!
Изо всех животных земли
У него особая статья:
Не даст он себя догнать!»

Так восклицая, твой Алма
Огорчил Манаса весьма.
Разошелся во гневе Манас:
«Глупости говоришь, Алмамбет!
Хвалишь пристрастно Алгару!
Знаю прекрасно Алгару!
Разве тобой обожаемый конь,
Разведкой неизнуряемый конь,
В битве летящий, как стрела,
Разве хуже твой Сарала
Конурбаева Алгары?»

Разве гордой полный красы,
До шестидесяти асы^{*}
Сберегающий зубы свои,
Разве простой, но могучий конь,
Медноногий, летучий конь,
Имеющий на боках крыла,
Разве хуже мой Ак-кула
Конурбаева Алгары?

Не поддающийся врагам,
С мощными крыльями по бокам,
Бегства не признающий клич,
Разве Сыргаков Кок-чебич
Хуже хваленого Алгары?»

Горячился тогда Манас,
Говоря Алмамбету: «Пусти!»
Тот хотел его спасти.
«Слушай, — сказал ему Алмамбет, —
Всяческих ты наделаешь бед.
Зло нанесет киргизам Калча,
Держится им государство его.
Знаю давно коварство его!
Притворяясь бегущим, Калча
Завлекает к себе храбрецов,
Не замечающих сгоряча
Сторожащих со всех концов
Сотни китайских силачей,
Наготовленных сотни мечей!
Только батыры пробегут —
Закрываются ворота,
Эсен-хановы ворота!
Там скучающие силачи,
Обнажив стальные мечи,
Мой Арстан, погубят тебя,
На шесть кусков изрубят тебя!»

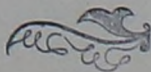
Так сказал Азиз-хана сын...
Убедив Манаса едва,
Наконец, увел Алмамбет

Рвущегося к врагу бадышу,
Как рвется к трупу мужа вдова.

В это время Кокчо, Музбурчак,
Хан Бакай, Чубак, Сыргак —
Гнали китайцев батыры здесь.
Галкам, бегущим от соколов,
Были подобны кафиры здесь!
Сотни тысяч китайских стрелков,
Спротивленья не оказав,
Направленья к Бейджиу взяв,
Удирали, крича: «Татай!»
От испуга дрожали они,
Врассыпную бежали они,
Уменьшились они в числе.

Всё живущее на земле
Было свидетелем этих битв.
Каждому из лихих силачей
По шестьсот доставалось коней!
Даже неспособным совсем,
Даже трусливым и слабым — и тем
По пять-шесть доставалось коней!

Оттесняя к Бейджиу врагов,
Вырезав половину врагов,
Воины подвигались вперед.
Возликовал правоверный народ!
Видит впервые киргизский стан
Вышки бейджинских древних ворот!
Военачальник, Манас-Арстан
Битву прекратить приказал.
На холме, перед собой
Знамя водрузить приказал.
Слышите? Мир оглушен трубой.
Выигран решительный бой!

С Л О В А Р Ь

- Абаке — почтительное обращение к старику, дедушка.
 Аджидар — дракон.
 Азамат — молодец, удалец.
 Азан — призыв к молитве.
 Айатиль — название одного из стихов корана.
 Айбалта — секира, буквально — луновидный топор.
 Аккельте — ружье Манаса.
 АкКула — светлосаврасый, конь Манаса.
 Аксакал — старейшина, руководитель рода, самый уважаемый старик: буквально — белобородый.
 Алда — аллах (бог).
 Алик — ответ на приветствие «салам».
 Алма, Алаке — сокращенно от Алмамбет.
 Алмабаш — ружье Алмамбета.
 Арак — водка.
 Арстан — лев, один из постоянных эпитетов Манаса; употребляется и по отношению к другим богатырям.
 Архар — горный баран (самка).
 Асый — каждый последующий год жизни коня после того, как ему исполнилось четвертое года; так, например, возраст десятилетнего коня — шесть асый.
 Аяр — провидец, мудрец.
 Аяш — друг мужа или жены.
 Бадыша — падишах, царь, император.
 Байга — бега, скачки.
 Бейджин — Бейпин.
 Бек — глава рода, князь.
 Будан — легендарный конь, быстрый, неутомимый.
 Буруты. — Так калмыки называли киргизов.
 Ватнокушачный — постоянный эпитет китайского богатыря Конурбая; ватный кушак — часть богатырского снаряжения.
 Гиена — один из постоянных положительных эпитетов Манаса (см. Кокджал).
 Джазайылчи — пушкарь.
 Джай — камушек из желудка овцы, обладающий, по древнему киргизскому поверью, волшебным свойством превращать лето в зиму, нагонять буран и т. д.; колдовство, при помощи которого можно влиять на состояние погоды.
 Джайсан — старшина рода.
 Джал — 1) грива; 2) подгривный жир, славится среди киргизов своим вкусом.

- Д ж е л ь м а я н** — легендарный верблюд, быстрый и неутомимый.
Д ж о л б а р с — тигр.
Д ж ю з - б а ш и — сотский.
Д о о л — барабан.
Д ы й к а н — крестьянин.

З а р д а л — военачальник, полководец.

- К а б л а н** — леопард, один из постоянных эпитетов Манаса; употребляется и по отношению к другим богатырям.
К а д е к — сорт китайской материи.
К а з а т — священная война, война за веру.
К а и п — мифологическое существо, покровитель животных.
К а л д а й — один из калмыцких чинов.
К а л м а к — калмык; киргизы в старину называли калмыками всех кочевников, говоривших по монгольски.
К а л ч а — уродливый, обезьяноподобный человек; так называется в эпосе Конурбай — главный китайский богатырь.
К а м ч а — плеть.
К а н к о р — пьющий кровь, один из постоянных положительных эпитетов Манаса.
К а ф и р — неверный, не мусульманин.
К е д и к — тонкорунная курдючная овца.
К е к ю к (кукук) — кукушка.
К е р н е й — музыкальный инструмент, длинная, расширяющаяся к концу труба.
К о к д ж а л — гиена (буквально—сивогривой), один из постоянных положительных эпитетов Манаса; употребляется и по отношению к другим киргизским богатырям.
К о к д ж е к е — расшитые, нарядные сапоги.
К о к т е к е — кличка коня Чубука, одного из богатырей Манаса.
К о н у р — сокращенно от Конурбай.
К у л а н — дикая лошадь.
К у л а ч — мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых в противоположные стороны рук.
К у л д ж а — горный баран (самец).
К у л ь - а з ы к — дорожная провизия.
К у м г а н — металлический кувшин.
К у р д ж у н — переметная сума.
К ы з ы л б а ш — красноголовый, так называли персов.
К ы р а н — сильный, тренированный, бьющий без промаха сокол; один из постоянных эпитетов Манаса; употребляется и по отношению к другим богатырям.
К ы р к - ч о р о — сорок воинов, дружинников, соратников Манаса; Кырк-чоро обычно сопровождают и других богатырей — героев киргизского эпоса.
К ы р м ы з — дорогая шелковая материя.
К ы р ч о — веревка, которой опоясывают юрту.

Л е о п а р д — один из постоянных эпитетов Манаса.

М а з а р — гробница; кладбище.

М и с и р — Египет.

М о л д а — мула.

М у р ш а п — один из полицейских чинов в среднеазиатских ханствах.

М ы н - б а ш и — тысяцкий.

Н а р — одnogорбый верблюдо.

Н а р к е с к е н — название меча.

Н а с ы б а й — жевательный табак; готовится с прибавлением золь растений чекенды и сагасы.

Н о й о н (ойон) — владетельный князь, господин.

Н у к е р — воин из личной охраны хана, телохранитель.

О й о н — см. Нойон.

О н б а ш и — десятский.

О п о л — название горы.

О р у с ы — русские.

П а й п а к — войлочный чулок.

Р у с т е м — герой поэмы Фирдоуси «Шах намэ».

С а г а с а — растение (см. Насыбай).

С а л а м — привет.

С у р н а й — род небольшой, очень звучной трубы; широко распространенный в настоящее время в Узбекистане музыкальный инструмент.

Т а л а с — река в Киргизии; в долине этой реки сохранился древний каменный мавзолей; народное предание утверждает, что это мавзолей Манаса.

Т а м г а — тавро.

Т а т а й — в киргизском входе боевой клич китайцев.

Т е б е т е й — малахай (меховая шапка).

Т е к е — горный козел.

Т о г о р а к — осокодь.

Т о р о — господин, повелитель.

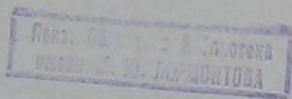
Т у й г у н — 1) белый ястреб, особенно ценный в соколиной охоте; 2) один из постоянных эпитетов Манаса, по своему значению близкий эпитету «кыран»; употребляется и по отношению к другим богатырям.

Т у л п а р — легендарный крылатый конь.

Т у м а к — шапка с наушниками.

Т ю м е н ь — десять, иногда сто тысяч.

- Укрук (укрючина) — длинный шест с веревочной петлей на конце для ловли лошадей.
- Урум — Рим, Византия, позднее — Стамбул, Турция, Малая Азия.
- Хаканчин. — В эпосе под этим названием подразумевается великое китайское государство.
- Хандык — ханство.
- Ходжа — человек, совершивший паломничество в Мекку.
- Чаган — новогоднее празднество, длящееся месяц.
- Чакча — посуда для насыбая, изготавливается из рогов горного козла.
- Чалбар — кожаные штаны.
- Чанач — бурдюк.
- Черноколпачная кайма — один из постоянных эпитетов киргизского богатыря Сыргака; на белом колпаке киргизы делают черную кайму, — значит, правильнее было бы сказать наоборот: с черной каймой (чернокаемный) колпак.
- Чильде — период летнего зноя или самых сильных морозов зимой.
- Чильтен — сорок мифических существ, помогающих человеку, охраняющих порядок в мире.
- ЧинМачин. — В эпосе так называется китайское государство.
- Чопкут — часть богатырского снаряжения, род панцыря.
- Чоро — соратник, дружинник, воин.
- Широкосапогий — постоянный эпитет китайского богатыря Конурбая, главного противника Манаса.
- Элик — серна.
- Эр — 1) муж, мужчина; 2) герой; 3) храбрый, мужественный — обычный эпитет богатырей.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Киргизский эпос «Манас». Предисловие Е. Мозолькова и У. Джакишева	5

НАЧАЛО ПОХОДА

Перевод Марка Тарловского

Возвешение похода	15
Обращение Манаса к войску	24
Свидание Манаса с Канькей	34
Выступление в поход	51
Назначение Алмамбета	62

РАЗВЕДКА

Перевод Семена Липкина

Приготовление к разведке	75
Встреча с лисой и архаром	88
Бой с одноглазым Малгуном	101
Гибель великанши Каньшай	113

БИТВА ПОД БЕЙДЖИНОМ

Перевод Семена Липкина

Поражение Конурбая	127
Борьба с Мады-ханом	134
Конец битвы	144
Словарь	156

Редактор Е. Мозольков.

*Тираж 25 000. Подписано в печать 17 января 1941 г.
А 35191. 10 печатных листов. 7,2 авторских листов.
33200 знаков в печатном листе*

*Цена в коленчором переплете 4 р. 75 к.
Цена в удешевленном переплете 4 р.*

*6-я типография ОГИЗ'а Москва, 1-й Самотечный пер., 17.
Зак. № 79.*

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
109	12 св.	Сходит Сыргак: от горя с ума,	Сходит Сыргак от горя с ума,
139	1 св.	Равен ум ребенку	Равен умом ребенку

МАНАС. Киргизский народный эпос.

1319 2/11
1511 10/15

209

1733

225

